

И. И. РУДОМЕТОВ.

КАРГОПОЛЬСКИЙ КРАЙ.

(Сборник Этнографических очерков)

СОДЕРЖАНИЕ:

В Каргополе, II. У жаждущих, III. Между старым и новым, IV. Старинное село, V. Лесные люди, VI. Тайна болот, VII. Обновление жизни.

Издание Первое

г. Каргополь

тип. Отд. Народ. Образования

1919 г.

122896

Всесоюзная
библиотека

Вместо предисловия к I-му изданию.

Автор считает нужным предупредить читателей, что в сборнике далеко нет полной картины жизни всего уезда. Нет даже описаний таких местностей, как Кенозеро, Опевенская волость, Конево и т. п. Но имея целью показать жизнь глухого края накануне революции, он решил выпустить в свет настоящую книгу, написанную за время с 1911 г. по 1915 г. намереваясь потом продолжить и дополнить ее новыми бытовыми очерками, рисующими жизнь народную уже в Советской Республике.

И. Рудометов.

г. Каргополь, 15 августа 1919 года.

В КАРГОПОЛЕ.

I.

...Леса сменились полями. В стороне все чаще и чаще виднелись деревни... Наконец, я уже под'езжал к Каргополю. На утреннем, розовом от зари, небе рельефно выделялись городские церкви и здания. Купол соборной колокольни высоко поднимался в воздухе. Небольшой осенний морозец был несколько приятен. Лошади бойко бежали по замерзшей ровной дороге. Поблекшая трава, выжатые и пустые поля, тянущиеся по краям дороги, как бы ожидающие снега, вырубленные леса, наконец, городское кладбище, городская дача „Игумениха“, кузницы, гумна с кучами соломы, — все это быстро осталось позади. Проехав городской вал, довольно хорошо сохранившийся с древних времен, я въехал в Каргополь,—город известный своею древностью и своими церквями.

Каргополь расположен на левом берегу р. Онеги, близ ее истока из озера Лаче. Год основания его теряется в глубокой древности. Из указаний, встречающихся в „Молении Даниила Заточника“ можно допустить, что Каргополь существовал уже в XI и XII веках. По поводу основания города рассказывается следующая легенда. В XII веке на этом месте был на охоте один из удельных северных князей. Огромный медведь, которых было здесь множество, уже хотел растерзать его... Лишь чудо спасло князя. В память своего избавления от смерти, он приказал дружине заложить город, назвав его Каргополем. Эту легенду слышал я не один раз от разных лиц. Впрочем, подобные легенды рассказываются и про основания многих других русских городов. (Напр. про основание Ярославля на р. Волге).

В исторических же актах имя Каргополя впервые упоминается лишь в XV веке, когда в 1447 г. в нем укрывался князь Дм. Шемяка, преследуемый В. В. Темным.

Всю историческую жизнь города можно разделить на 3 периода. Во время первого из них—удельного—Каргополь имеет своего князя. По крайней мере, описывая поход великого князя Московского Дмитр. Ив. Донского против хана Мамай, летописцы, в списке

князей, находившихся в походе, упоминают имя князя Глеба Каргопольского.

Во время второго периода своей исторической жизни, при *самодержавии* Москвы, Каргополь делается известен своею торговлею, богатеет, украшается храмами... Это самый счастливый период в жизни Каргополя. Дело в том, что в царствование Грозного началась торговля русских с англичанами через Белое море. Каргополь, как город, расположенный на торговом пути от Москвы до моря, делается бойким, живым городом. Он начинает (пользуясь грамотою Грозного) вести громадную торговлю солью, морской рыбой, хлебом и т. п., отправляя товары летом на судах по Онеге, зимою же — обозами до Москвы.

Каргополь возвышается. Он довольно сильно защищен от разбойников, имеет крепость и в нем постоянно живет воевода. Вокруг него, по правому берегу Онеги, возникают монастыри: Спасский-Вассьянов, Успенский — (женский) и обитель Иоанна Волосатого. При Грозном некоторые церкви в Каргополе получают богатые вклады, угодья. (Напр. Горская церковь, или „Горка“, получившая богатые лесные дачи).

О богатстве Каргополя в этот период его жизни можно судить по тому обстоятельству, что при разделении Грозным государства на опричину и земщину, Каргополь отдается на содержание опричников, а в смутное время за его богатствами устремляются многочисленные шайки поляков и казаков, с которыми он ведет борьбу.

В третий период своей исторической жизни, с *завоеванием берегов Балтийского моря*, Каргополь теряет свое выгодное положение на торговом пути, постепенно беднеет и, наконец, почти совершенно исчезает со сцены исторической жизни, служа иногда местом ссылки для различных именитых лиц. Памятником этого периода служит рукописное Евангелие царевны Софии, с разрисованными заглавными буквами и изображениями евангелистов, хранящееся в Спасо-Преображенском Каргопольском монастыре *).

Он становится маленьким городком, каких не мало на Руси, с тихою, сонною жизнью обывателей...

Впрочем, был случай для Каргополя, могущий оживить и расширить его жизнь, его интересы. Это было, сравнительно, еще очень недавно (лет 18 тому назад), когда проводили северную железную дорогу на г. Архангельск. Дорога эта, начиная от Вологды, могла бы проходить чрез Каргополь, но в настоящее время проходит друмчим лесом верст за 80 от него, чрез ст. Няндому.

*) В. Авенарус. Повесть „Меньшой-Потешный“ стр. 115.

Каргополь остался в стороне... Случай представлялся, но „Каргополь“ сами отказались от своего добра...

Разговаривая об этом с хозяином постоянного двора на окраине Каргополя, я спросил его: „Правда ли, говорят, что в Каргополе сами жители отказались от железной дороги?“. „Да, это правда.. На моей памяти дело было.. Право, смех как вспомнишь!“ Я попросил рассказать, в чем дело. — „Дело в том тут, ответил, что наш городской голова Петр Иванович, (царство небесное), все то время, пока решался вопрос о проведении железной дороги, промывлся в бане“... — „Ну, что вы!“ не поверил я. „Да, так!“ ...Видите ли, из Петрограда присылают ему срочную телеграмму с просьбою сразу же дать ответ. Он был в бане. Работник не раз докладывал ему, но голова все медлил... Наконец, приносят второй раз телеграмму. Его все нет. Прошло времени так около часа. Выходит наш голова из бани, весь красный, потный и сразу же дает ответ, — мол, согласны... Но ему отвечают, что уж поздно теперь, так как постановлено проводить дорогу восточнее Каргополя.

„Так мы и остались без железной дороги“... заключил он, вздохнувши.

Впрочем, как утверждают многие и как я сам не один раз слышал, (в уезде говорят), что на проведение через Каргополь железной дороги самым упорным образом не соглашались каргопольские купцы. Им, как утверждают, железная дорога была крайне не желательна,—в ее появлении их близорукий ум видел большой ущерб для торговли. Когда я думаю об этом, мне всегда становится непонятным, почему купцы сочли за вред то, что напротив, могло бы оживить их жизнь, открыть новые горизонты для их деятельности. Но мне приходит тогда на память тип русского купца допетровской Руси, тип так ярко очерченный нашими драматургами. Я представляю себе купца как хранителя старины, русского быта; он в большинстве случаев раскольник, благочестиво восстающий против табаку, консерватор по душе, ярый враг всяких новшеств... Тогда становится мне понятным отказ каргопольских купцов. Дух предков вдохновил каргопольское купечество XIX века. „Новое редко бывает хорошим, тогда как хорошее надолго остается новым“, *) вот то мудрое правило, которым они руководились. Но они забыли про то, что жизнь растет, движется вперед, совершенствуясь и обновляясь. Они заключили ее в тесные рамки своего мирозерцания, — и оказались отброшенными ею в сторону, так как человеческие усилия не в силах остановить вольное и плодотворное ее движение.

*) Слова А. Шопенгауера.

Они остались позади этого движения...

II.

Прогуливаясь по улицам Каргополя, прежде всего можно заметить разницу между домами купцов и мещан. Мещане, в большинстве случаев, живут в низеньких старых домиках, тогда как у купцов почти всегда двухэтажные дома и каменные магазины. „Немчинов“, „Серков“, „Лехов“... читаешь на ходу вывески. В середине же города, за соборами, помещается гостининый двор, весь каменный...

На узких, грязных улицах встречаются группы местной интеллигенции, большей частью, молодежи, чинно разгуливающей по тротуарам. Хотя в Каргополе есть бульвар, построенный недавно, но на нем публика не собирается, предпочитая прогулки по улице, которую местные мещане прозвали „Невским“, — вероятно, за многолюдие и тротуары, которых на многих улицах в городе не имеется. Зато перед домами насажены ряды берез, что дает довольно приятный вид, особенно если смотреть издали, когда белая штукатурка церквей и краски домов рельефно выделяются на зеленом фоне.

Дойдя до берега Онеги, долго любовался я на эту широкую полосу воды, мощно стремящуюся на север. Тихо кругом. Ни судов, ни лодок у пристани... Лишь изредко раздается одиноко тонкий свисток парохода, на котором местные лесопромышленники перевозят лес.

Как еще мало использованы природные богатства этой судоходной реки *).

Из под поверхности воды виднеются столбы и сложенные острыми углами бревна (ледоколы) — следы бывшего через реку моста. Мост этот (системы Гау) был построен на земские средства и обошелся земству довольно дорого (около 34.000 руб.). Но когда в 1906 году закончили его постройку, то сразу же оказалось, что ездить по мосту невозможно. Новый мост украсился вывескою „езда воспрещается“. Постояв немного, он за негодностью, был сломан... Земство потерпело много убытков от недобросовестных подрядчиков. Теперь в Каргополе через Онегу всего один мост (против Спасского монастыря) и тот очень плохой и старый, так что при стечении на нем публики во время городских и монастырских храмовых праздников — в Троицын и Духов день, в Спасов день — 6 августа и

*) Впрочем, встречаются на Онеге, пороги.

пр., местной администрации приходится иногда удалять толпу, так как ветхий мост не выдерживает ее тяжести и погружается, покрываясь водою...

Лучший вид на Каргополь открывается с берега Онеги. Отсюда на юг виднеются уже упомянутая богатая Горская церковь и Успенский монастырь; с северной же стороны виднеется Спасский монастырь (с правого берега) и множество каргопольских храмов. Отсюда хорошо виден Христо-Рождественский собор, (каменный храм красивой древней архитектуры) современник Грозного, видевший в своих стенах патриарха Никона и мощи св. Филиппа, митрополита Московского. Недалеко от него возвышается похожая на древний обелиск соборная колокольня, построенная при Екатерине II, о чем свидетельствует надпись над одним из ее ярусов. Много повсюду и других храмов... Меня уже не один раз поражало множество церквей для такого маленького уездного городка, каков в настоящее время Каргополь.

Всех храмов в городе теперь насчитывается более 20. Многие из них каменные, старинной художественной архитектуры. Большинство храмов построены на средства местных купцов того времени, когда Каргополь имел большое торговое значение. Про этих купцов в Каргополе рассказывают, что они не желали ходить молиться в чужую церковь. И каждый из них для себя строил свою. Так, если купца звали Иваном и он бывал именинник на Иванов день (24 июня), то он и церковь строил в честь своего святого и т. п. или же, умирая, оставлял деньги на постройку церкви и на помин в ней души... Поэтому, неудивительно, что церквей в Каргополе более, чем в других городах губернии.

На городской площади (между церквями) в старину было кладбище. До сих пор здесь лежат каменные надгробные плиты с полустертою от времени надписью о именах погребенных под ними. Лет двадцать тому назад в Каргополе были еще люди, которые знали имена погребенных здесь и разбирали надписи на плитах. Теперь уже таких людей нет; по крайней мере, я их не встречал...

Теперь городское кладбище находится в северо-западной стороне от Каргополя среди елового леса (рядом с почтовым Вытегорским трактом) и называется „Стратилатом“.

III.

Вскоре погода изменилась. Сделалась оттепель. Заморосили день и ночь дожди, и городские улицы Каргополя превратились в сплош-

нья массы глубокой грязи. Путешествие по Каргополю стало затруднительным, особенно по улицам, не имеющим «панелей». Картина присущая многим русским городам, описание которой можно встретить во всяком рассказе из провинциальной русской жизни. Остался в Каргополе, ближе присматриваясь к жизни местного населения. Оно делится главным образом на два сословия: мещан и купцов. Каргопольским мещанам живется невесело. Их всегда можно приметить по одежде и озабоченному выражению лиц. Живут они, как уже сказано, в маленьких бедных домиках... Такая бедственная жизнь мещан объясняется тем, что Каргополь не может дать им существенного заработка, могущего улучшить их материальное положение. Имеющиеся в Каргополе беличьи мастерские, две—три пекарни и пивоваренный завод (теперь не существующие) слишком недостаточны для этой цели, так как требуют весьма ограниченное количество рабочих рук. В борьбе за существование каргопольский мещанин пускается в различные предприятия. То он торгует мелочью на базаре, то печет «ситный» хлеб, то открывает чайные заведения и постоянные дворы. Тех и других в Каргополе достаточное количество. Сами ведя скитальческую, беспрофессиональную жизнь, каргопольские мещане стараются избавить от нее своих детей. Почти все они обучают своих детей в высшем начальном училище, откуда те потом поступают писцами в земскую и городскую управу и в уездный съезд, а также — учениками в аптеку и приказчиками к купцам, в чем с ними соперничают дети крестьян из уезда. Других же учебных заведений для обучения мальчиков в Каргополе не имеется, за исключением духовного училища, существующего в Каргополе давно. Для обучения же девочек имеется Екатерининское женское училище, прогимназия и педагогические курсы для подготовки учительниц в начальные школы уезда. Девочки, дочери мещан, обучаются в настоящее время далеко не все. Получившие небольшое образование поступают кассиршами. Не имеющие же возможности получить его, обучаются кройке и шитью у местных портних. Каргопольские купцы, в противоположность мещанам, всегда веселы, способны вести весьма приятный разговор со своими покупателями, всегда улыбаются и крепкожимают руки знакомым. Несмотря на свое недавнее происхождение (старинных родовых купцов сохранилось очень мало) в большинстве случаев—из приказчиков, из торговцев мелочью и „сермяжников“ из уезда, они сознают свое купеческое достоинство и всегда держатся особняком от пришибленного жизнью мещанства. Кроме торговых оборотов они получают еще большие доходы с полей, которых у них много в окрестностях города, где повсюду стоят гумна и летом колосится густая

рожь. Впрочем, некоторые мещане также засевают поля, но таких сравнительно очень мало.

Пошли холодные лунные ночи. Временами начал падать снег. Я уже прощался с Каргополом. У берега Онеги долго сидел я, думая о жизни в городе.

Жизнь здесь не имеет движения. Она гниет. И сквозь ее прогнившие щели виднеется порою тусклое, пошлое прозябание „существователей“, ищущих развлечения в картах, сплетнях, пересудах. Тихо падал снег. По всему городу раздавался в вечернем сумраке „малиновый“ перезвон древних колоколов, навевая мысли о седой его старине, той разделенной веками старине, когда здесь, по безлюдному, дикому берегу Онеги стеной стоял непроходимый дремучий бор, наполненный дикими зверями...

Представлялась мне фигура древнего князя, стоящего у пылающего костра с окровавленным мечом в руке, приказывающего дружинне строить город: издыхающий медведь лежит у ног князя, рядом Онега стальной полосой светится из-за темной чащи леса...

Вспомнилась мне вся долгая историческая жизнь города... И вот умер он, сошел со сцены истории. Лишь воспоминаниями прошлого живет он.. Вот Троицын день в Каргополе... Какое оживление повсюду! На улицах, на площадях, у храмов—везде парод, собравшийся сюда со всех концов уезда. Мужики в длиннополых кафтанах с красными кушаками, женщины в парчевых сарафанах, с кокошниками и перевязками на головах, украшенными жемчугами.

На торгу, у воза кож сошлись несколько человек и ведут жаркую беседу о „старой“ вере. Начетчик держа в руках открытую Иосифовскую „Книгу о вере“ трактует о том, что такое церковь... Его речь, пересыпанная текстами, дышит искренним энтузиазмом и вдохновляет слушателей... Вот те думы, что волновали его за сохой в поле, за уборкой сена на пожне... Там, у соборов, два—три силача поднимают с земли на плечи тяжелую чугунную пушку, и толпа жадно следит за их движениями...

От берега Онеги отчаливает судно. Это богомольцы отправляются по завету в Соловецкий монастырь и прощаются с родными...

С улицы вдруг слышится пронзительный крик и толпа народа бежит сзади за быстро уезжающим тарантасом, в котором плачет и рвется молодая девушка...

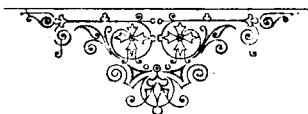
Это жених увозит себе невесту. Бог знает какой стариной веет от этого обычая!

Всюду на улицах движение...

Но вот проходит дня два, три. Публика раз'езжается. Жизнь мало-по-малу входит вновь в свою обычную колею, и Каргополь пре-
вращается вновь в мертвый городок, с сонною жизнью населения...

Каргополь живет своим прошлым. Лишь в воспоминаниях об этом прошлом он как бы вновь оживает.

'Тихо надал снег, покрывая застывшую землю... *).

У Ж А Ж Д У Ш И Х.

(Из путешествия по Суши).

I.

Кому случалось проезжать от города Пудожского до Каргополя, тот конечно замечал, что лесистая и сырая местность Пудожского уезда, обильная „горами“, озерами и болотами, переходит перед городом Каргополем (от села „Лядины“) в местность очень ровную, но безлесную и сухую. Местность эта тянется широкой лентой с северо-западной стороны Каргополя, имея в поперечнике верст 30 и более.

Во многих деревнях здесь на расстоянии 8—12 верст в окружности не только нет реки, но даже нет и маленького ручейка. Жители этих деревень воду достают из вырытых в земле колодцев, глубиною доходящих до 18 и более сажен. Господствующее здесь ежегодное вырубание „под пахоту“ лесов, (что непременно нужно бы остановить!) делает почву окончательно затвердевшею. Полевые посевы (наприм. в Панфиловской, Павловской и др. волостях) в жаркие лета осуждены страдать от засух, чему содействуют и их пахарни, так как, вырубая леса, они все более и более сушат землю. В болотистой местности (напр. в Лекшмозерской волости) всегда называют эту местность Сушью. И это название вполне справедливо. Действительно, среди полей и лесов в Суши нигде не встретишь воды. Жители Суши, хотя они очень привыкли к своей родине, все же, часто сожалеют о том, что дорогая им природа нигде не украшается голубою змейкой журчащей воды.

*) Очерк написан в 1915 году.

По поводу этого недостатка существуют здесь даже легенды. Такова, напр., легенда о преподобном Макарии Желтоводском, который, проходя по северу Руси (в конце XIV или начале XV столетия) будто бы, по словам этой легенды, присел отдохнуть на камне среди деревни „Софоново“ (ныне Панфил. вол.). Дело, вероятно, было в жаркую пору, так как преподобный попросил попить воды у крестьянина „Черныша“, изба которого находилась против камня на котором сидел преподобный Макарий. Черныш же, вместо того, чтобы принять гостя, начал всячески ругать его, принимая старца монаха за подозрительного человека. Наконец, с некоторыми из своих соседей, решил выгнать его за деревню. Святой, сопровождаемый бранью, вздохнувши пошел, но на прощаньи, сказал мужикам: „видя нужду вашу, хотел попросить я Господа, чтобы Он повелел быть в деревне вашей источнику водному, но вы оказались недостойными милости Божией. Жаль мне вас, бедные люди, но будете жить ни серо, ни бело“. Хотя здесь, среди Суши, ходит много подобных легенд и про других святых (напр. про св. Александра Ошевенского), но описанная здесь показалась мне типичнее других, так как в ней ясно слышится нужда жителей Суши в воде.

Несомненно, что многие из этих легенд созданы фантазией религиозного народа, но несомненно и то, что многие из них основаны на истинном происшествии, которое встает перед нами, разделенное V—VI веками жизни народной, рисуя нравы народные в седом прошлом. По крайней мере в деревне „Софоново“ до сих пор есть крестьянин с древним прозвищем „Чернышев“ и среди этой деревни есть часовня во имя св. Макария Желтоводского, под которой будто бы находится и тот камень, на котором сидел преподобный. Впрочем, часовни в честь различных святых имеются почти в каждой деревне Суши. Есть даже раскольников часовни и кладбища (секты беспоповцев), что свидетельствует о любви здешнего народа к „древнему“ православию и указывает на его религиозные сомнения и искания, всегда присущие людям глубоко религиозным и на его консервативный дух с дозой фанатизма.

II.

Проезжая по Суши, невольно поражаешься однообразием местности. Всюду большие поля, обгороженные полуразвалившимися изгородями, с „перелогам“ (т. е. с заброшенными полосами), множеством камней и суглинистою, не очень плодородною почвою; вырубленные леса, распаханые „новины“ и „чисти“, (т. е. новины, брошенные через 2—3 года после разработки) с гниющими пнями,

кой-где скудной, низенькой травкой и изредка маленькими сосенками... Смотря на эти грустные картины, невольно поражаешься тем обстоятельством, как это жители Суши совершенно не дорожат своим лесом, когда он является единственным украшением их природы и их хозяйства! Имея в полях много заброшенной земли, они аккуратно, каждую весну из года в год ходят делить лес для „повия“ па прибавок к полевой земле. Почти за окном лежит заброшенная, незасеянная полоса мужика, а он идет за 2, 4 и 6 верст рубить лес на прибавок к этой земле!

Какое то противоречащее недоразумение. Вместо того, чтобы убирать с полей камни, лишний раз перепаживать землю, обносить поля к лету крепкими изгородями, заботиться об орошении посевов, привозить из сырых „подкрайков“ чернозем и торф в поля на прибавок к удобрению, он идет рубить лес и, обливаясь потом, уничтожает свое лесное хозяйство. Вместо созидания и улучшения жизни производит разрушение ее.

Всюду здесь застой жизни... Старая, вложенная в освященные временем рамки жизни, в тех местах, где из веков она боролась с природой посредством истребления лесов, хотя и прошло то время, когда нужна была такая борьба, господствует как и встарь и нигде не хочет считаться с требованиями новой жизни, идущими в разрез с ее отжившими традициями. Она не может сознать того вреда, который делает общественному хозяйству, инстинктивно выполняя дедовские заветы о полезности „подсек“.

Таким образом между „старой“ и „новой“ народной жизнью возникает много противоречий. Противоречий странных, но очень грустных.

В число грустных картин Суши невольно приходится включить и чудные сосновые леса, остатки тех, которые были здесь повсюду. Леса эти стоят сиротливо небольшими островками среди „чистей“ и в шуме каждого из них слышится как бы печальное ожидание очереди умирать. Пройдя по всему такому лесу, нигде почти не встретишь ни ели, ни березы. Всюду сосны и сосны.. В их „вечно-зеленых“ вершинах приютились и чирикают птички. Всюду здоровый и чистый воздух. В лесу тихо, как в храме. Лишь белка перепрыгнет иногда с одной сосны на другую. Водятся в лесу (хотя редко) тетерева и куропатки. В конце же лета, множество красных рыжиков и обабков привлекают в эти леса многочисленных рыжечников. И тогда всюду по ним раздаются песни, свист, ауканья, с раннего утра и до позднего вечера..

Далее, ни за полем, ни за другим лесом,—нигде не увидишь зеленого мягкого луга, вестника воды. Серьезная, замкнутая в себя

природа Суши, нигде не отдохнет взором на травке, или на бережку речки...

Так как лугов здесь нет, а травосеяние, за исключением 2—3 единичных случаев, не развито, то сенокосов в Суши очень мало. Есть в Суши деревня „Березник“, где крестьяне продержав лошадей лето, к зиме всегда продают их, так как у них нет покосов и им негде запастись лошадям на зиму корма. Коровы же и овцы всю зиму питаются соломой ржи, овса и жита, как и везде в Суши. Уже упомянутая деревня „Софоново“ имела когда то своей собственностью часть берегов реки „Сиянга“, (за 7—8 верст) впадающей в озеро Лаче. Тут был сенокос этой деревни из веков. На заливных лугах или „мысах“ (как их здесь называют), по берегам этой реки росла и всегда растет хорошая трава.

Но каким то образом, вековые Софоновские „мысы“ попали во владение к причту Горской церкви (в г. Каргополе). Почему это так случилось,—здесь никто не знает. Мужики рассказывают, что вдруг приехали к ним землемеры, обмерили их землю и объявили, что она уже более не принадлежит им. Впрочем, всей деревне оставили $\frac{1}{2}$ десятины из отнятой земли, в том месте, где всегда стояла и теперь стоит их мельница „Вальмиха“. В других же деревнях, напр. в соседней деревне „Стоялово“, в то время, когда у них начали отбирать „мысы“, также как и в деревне Софоновской, (мысы деревень Софоновской и Стояловской находились рядом по берегам одной и той же реки Сиянга), то крестьяне деревни „Стоялово“ срывали мерные цепи, выкидывали забитые в их землю колья,—и у них сенокосы, рядом с отобранными у Софоновцев, остались. Ими они пользуются до сих пор, хотя за сопротивление, как про это говорят сгарики, сидели в тюрьме.

Это обстоятельство очень сильно поражает крестьян дер. Софоновской. Они видят, что стояловцы косят свой мысы до сих пор, а они принуждены были отдать свои под церковь. Все это было уже давно. Но каждый год, видя, как настоятелем Горской церкви продаются „их мысы“ по рублю и дороже за стог богатым крестьянам (даже той-же деревни), они вспоминают свою былую собственность и обидой щемятся их сердца. Вынужденные чистить кой-какие пожни в лесном наделе (верст за 10—12 от деревни) и, таким образом, истреблять лес, они вспоминают, почему же им дали $\frac{1}{2}$ десятины „чужой“ земли, а не приказали срыть мельницу „Вальмиху“. Возникает у них сомнение в законности совершенного над ним поступка. Тогда они слова заговаривают об отнятии собственности, собираются жаловаться, писать губернатору прошение... Но не зная, как за все взяться, поговорив—замолкают... Настает потом сенокос...

Уходит крестьянин со всей семьей в лес на целые недели. Работает он там в своих „чищах“ весь жаркий длинный день от восхода до захода солнца. Слышно, как точит он там косу, как взмахивает ею среди прутьев, пней и камней. работает, обливаясь потом и забывая про отдых в тесных, дымных лесных „избушках“. Население Суши, в большинстве случаев, весьма трудолюбиво...

III.

В последний раз случилось мне побывать в Суши в первой половине июня 1913 года. Время было жаркое и сухое. Отсутствие воды и лиственного леса отнимало у здешней природы ее ласкающую, нежную красоту. Неорошенные поля не радовали взора той свежей, густой зеленью, какая бывает здесь на них лишь только после дождей. Сухая, пыльная земля просила орошения.

В „пареничных“ полях виднелись ряды черных кучек навоза. Мальчик лет 12 железным крюком срывал на землю с телеги навоз и двигал потом вперед свою лошадь. Две бабы разрывали навоз вилами по полосе; там далее из-за поля виднелось облако дыма—это жгли прошлогодние подсеки, чтобы распахивать новину. Народ всюду был за работой, спеша делать то, что делалось из веков и не думая о том, где пользу и где вред несет за собой его работа... Среди сосновой рощи виднелись белеющие сосны. Здесь, в конце мая, с этих сосен дети „сочили“ сок и теперь они должны сохнуть, так как с них кругом ободрана кора.

За лесом опять потянулись „чисты“ свидетели истребленного леса. Издалека было слышно, как стучат топоры и одна за другой падают сосны... Там опять рубили лес...

Чисть, по которой я шел, тянулась версты на две. Солнце пригревало сильно. Массы оводов и мух с жужжаньем носились вокруг и садились на спину, на лицо, на руки... Сильно хотелось пить. Но на безлесной поляне виднелись только камни, да маленькая сухая травка, которая еле покрывала всюду ровную часть „покидыш“. Послышался рожок пастуха и стало слышно протяжное блеяние овец. Подойдя ближе, я увидел мальчика-пастуха, который сидел на камне. Нигде не было тени. Солнце жгло его голову. Множество оводов жужжало вокруг него. Он ловил их рукой и убивал, забавляясь их писком. Маленькие, тощие овцы группами бежали по чисти и, кой-где местами, щипали сухую травку, или как говорят в Суши „глодали камни“.

Жара была сильная. Жалобное блеяние овец тяжело было слышать. Кожа у некоторых из них была прокусана насекомыми. Из

шерсти виднелись красные пятна запекшийся крови с массами мух и оводов.

Овцы метались по чисти, так-как, очень хотели пить. А воды нигде не было.

— Овцы то пить хотят! сказал я пастуху.

— Я знаю,—ответил тот песмурно.

— Где же они пьют?

— Да нигде не пьют,—вишь воды нету!

— Как же они могут переносить такой зной?—опять спросил я.

— Да не в первый раз—всегда так!—ответил пастух.

Я очень удивился спокойному тону его речи—как будто дело шло о таких вещах, о которых нечего разговаривать. Из дальнейших вопросов выяснилось, что иногда, в сильные жары, он гоняет овец по ночам, а под осень пасет их в опорожненных полях и что овцы все лето целыми днями бродят непоенные, что в таких же условиях находятся и коровы, и лошади, и телята.

Продолжая идти далее, я опять думал о том, как здесь уложенная в вековые традиции жизнь может спокойно рассуждать, не замечая в себе таких страшных пробелов...

Между тем, все еще слышалось отчаянное блеянье жаждающих животных, которая бешено перебегали по чисти. Тысячи оводов носились над ними... Травы здесь почти нет, пить нечего,—чего же остается делать бедным овцам на этой чисти под жарким июньским солнцем?

Бедные животные! Вода под вашими ногами! У ваших хозяев есть разум, чтобы бороться с природой. У них придуманы лопаты, они умеют рыть рвы и колодцы. Могли бы они помочь вам—вырыв здесь колодец. Этот же самый пастух, ловящий оводов теперь, тогда разливал бы вам по рвам воду!

Напились бы вы, не было бы страданий ваших, резвились бы вы здесь, а не страдали изо дня в день, как теперь...

Всей деревне не дорого бы стоил колодец. А пример был бы так заразителен!

Жара по прежнему не унималась. Не было даже ветерка, который бы разогнал этих надоедливых оводов, от которых все время приходилось отмахиваться. Пот уже катился с лица, когда наконец, я дошел до нового поля. И опять в нем, не смотря на жару, работали люди. Пройдя мимо раскольниковчей часовни и кладбища, увидал я серое пятно среди полей—деревню. Деревня была небольшая. Два—три дома в ней были обшиты тесом и пестро раскрашены красками. Деревьев у домов почти нигде не было. Избы, в большинстве случаев, с почерневшими от времени бревнами и маленькими тем-

ными окнами смотрели угрюмо. У одной из изб стояла девочка лет девяти и держала на руках маленького братишку. На колодце две женщины черпали воду, там далее виднелась часовня с колокольней. По перешитой и тесной улице шел нищий юродивый. Еще молодое лицо его, с ределькой рыжей бородкой, имело какое то странное выражение. Все время пути своего, он раскатываясь и растягивая окончания слов, повторял: „на Красной Мяги мужик ошалел: черепалом дуйтче“... Его песня привлекала внимание собак, которые вдруг по всей деревне подняли оглушительный лай..

IV.

Я почевал в соседней деревне. Вечером, после захода солнца, семейство мужика вернулось с работы. Старый дедушка с 14-ти летним внуком ходили засекать у пожой осеки и жечь веранды сухих прутьев. Отец „карзал“ хвою (для настилки в грязный двор) и теперь на всю ночь поезжал в поле пахать. Бабы ходили „рознить“ навоз. Закусив теста овсяного, вареных обабков и квасу с луковой травкой, все как споны на гумне, рядами легли на полу спать.

Пропуслись рано утром, я однакоже увидал, что вся семья разошлась по работам. В избе была только старая бабушка, которая стряпала. Меня разбудил рожок пастуха и его крики: „овец! овец выпускайте!“ Старуха при этих словах поспешно выбежала „во двор“ и отворила хлев. Было слышно как она привычным голосом быстро говорила: „кышь, кышь, кыши! Подьте, подьте, Бог с вами!“ Овцы перескакивали через подворотню и выбегали. Пастух заправлял их в стадо и они опять бежали пастись весь день на свою голодную „чисть“.

„Слава Богу овец выпустила; теперь надо крыпочки мыть, сметану мешать,—скоро обедать из поля приедут“... говорила скороговоркой (разговаривая вслух сама с собою) старуха, возвращаясь в избу. У ней так много хлопот, что ей и в голову не приходит во весь жаркий день подумать о том, как спокойно выпущенные ею овцы весь день будут носиться по чисте в мучениях жажды.

И не одна эта старуха. Никто не подумает здесь об этих маленьких серых созданиях, осужденных на вечную жажду. Они страдали раньше, будут и вперед страдать так, как и теперь, и здесь не говорят о том, что надо облегчить их страдания. Так в Суши привыкли все это видеть. Пастух зовет овец, старуха выпускает их...

И дело кончается. Другия дела, сменяясь по раз заведенному порядку, (как спицы в вертящемся колесе) увлекают за собой людей так быстро, что им некогда размышлять о страданиях жаждущих и непамятных овец...

Мне стало грустно. Я распрощался с хозяйкой и вышел.

Солнце огненным шаром медленно двигалось по небу, обещая новый жаркий день. Люди, как муравьи, опять суетились в поле и на деревне. Опять тянулись в поля телеги навоза. Плотники на краю деревни рубили новый дом и дружные удары их топоров гулко раздавались по всей деревне. За деревней в полях, всюду виднелись пахари. У полей бродили телята. Солнце все выше и выше поднималось над зеленеющим сухим полем. Природа ждала обновления. Но обновления не было.

Миновав старинную деревню „Залесье“ (Павловск. вол.), виднеющуюся вдаль среди полей и чистей и прозванную так потому, что она некогда была окружена лесами, я направился по дороге к городу Каргополю.

Тяжелые думы не покидали меня. Стадо мучимое жаждой, и мечущееся по безводной чисти, бляные бедных тварей, вызывающих к помощи, которая к ним не явится, властно занимали мое воображение. Кто и когда им поможет? Этот трудолюбивый, простой народ, напоминающий своей жизнью стоячий пруд, сам не сделает этого без внешней причины. Сам он не напоит своих жаждущих бессловесных тварей. Народы библии имели в пустынях колодцы, где коили стада верблюдов. Этот же народ не надумается и до такого простого способа, чтобы напоить своих животных. Так первобытна жизнь его, глухая для расширения и прогресса.

Надо помочь ему и на первых порах даже заставить его сделать это простое и гуманное дело!

Сюда нужна отеческая помощь.

Надо остановить здесь истребление лесов, надо научить этот народ орошать поля, надо напоить его бедный скот! Работящий, трезвый, религиозный (я говорю про большинство и указывая основные свойства народной души), он стоит того, чтобы приняли участие в его жизни и помогли ему.

Здесь крайне нужна аграномическая помощь, здесь нужно любящее, отзывчивое сердце, которое бы приняло участие в воспитании молодого поколения,—будущих жителей Суши.

Время близилось уже к обеду. Солнце все более и более жгло землю. Оно, казалось, собрало все северные лучи свои и направило их со всею яростью, как войско на неприятеля, на эти беззащитные части. Оно жгло, палило их, отнимая у земли последнюю влагу. И нигде не было тени, чтобы укрыться от жары. Засыхали в чистях беленькие глазки земляники и зеленая травка. Две—три вороны тяжело опускались—кой где на дорогу. Открывая рты, они долго иска-

ли на ней влаги и с шумом, бессильно махая крыльями, снова потом поднимались в высь, или садились на изгородь...

Скоро начали показываться главы Каргопольских церквей. Городской лес виднелся вблизи. Часа через полтора до слуха моего уже долетали карканья ворон и крики галок из леса у Кладбищенской городской церкви и голоса „каргополов“, торгующих сайдой на городском базаре. Сушь осталась вдали за мною... *).

МЕЖДУ СТАРЫМ И НОВЫМ.

I.

Весной, после окончания полевых работ, народ вновь затевает что-то. Собрались мужики, потолковали... И решили утром лес делить.

Надо заводить новое поле. Надо вырубить лес и распахать почву. Надо „повину“ устроить. Так было из веков. Так было при дедах. И исправным мужикам стыдно отступать от дедовских обычаев. В старину по за полю много хлеба в „новинах“ сеяли.

Так думают мужики. Мужики разсудительные, хорошие хозяева. Что же делать бедноте? Той бедноте, у которой и в поле полосы не пахнутся? Бедноте нельзя не согласиться с мнением почетных мужиков. И она, вслед за ними, тоже идет в лес.

И вот вышла вся деревня. Спорят, кричат... Жребий бросают — кому где рубить. И, наконец, целые леса размерены. Каждый замечает свой участок.

И принимаются рубить.

Стучат топоры. Падают сосны. Вся семья на работе. Ребята — и те подсекают маленькие кусты...

На целые версты кругом повален лес. И так одна деревня, другая, третья... И так из года в год.

Проходят потом 3—4 года. И уже ветер гуляет по гладкой „чисти“ на том месте, где недавно рос роскошный лес. Поле уже брошено мужиком.

*) Очерк написан в 1913 году.

А сколько трудов затратил он здесь! Он, прежде чем сеять, много раз пахал здесь, выворачивая пни и корни, раздирая дерн и бросая камни. Не легко было ему превратить лес в гладкое поле. И вот уже не нужно стало оно мужику. Тощая земля не дает уже ему более урожая.

Зимой вьюга бушует здесь на всем громадном пространстве, запоя снег скучную растительность: тощия ольхи да кусты можжевельника... Погибло здесь много лесу, и вновь уже не растет таковой...

А то еще так бывает:

На деревне праздник. Веселятся крестьяне. Кричат, песни поют, дерутся, валяются пьяные... Без вина разве может быть праздник? Тогда и праздника не будет.

Таков, в общих чертах, крестьянский праздник, с каждым годом все более и более показывающий ненормальность настоящей жизни крестьянина, той жизни, которая его уже не удовлетворяет. А другой жизни пока еще он не знает. И вот „отдохнули“ мужички. Утром встают всклокоченные, с головной болью. Вспоминают беззаботный минувший день. А впереди то—все работа, работа...

Хочется еще, хотя бы не долго, вкусить праздничное блаженство. Конечно, надо вино. А денег нет...

Но здесь мужик находчив. Собирается большая половина деревни. Все больше та беднота, которой день идти на работу. Нет лишь трезвых. Те все на работе, а не отдыхают после праздника. И вот, толкуя мужички:

„А что, ребята! Сходим к N. N., да продадим лес. По целковому на душу положит“!

И какой либо богатый мужик за бесценок скупает громадную вековую сосновую или березовую рощу. Что ему стоит дать им, этим пьяным безумцам, на родку и на чай с крепделями“. Да он еще им и работу даст: завтра наймет их рубить этот же лес. Заработок даст им. А это весной—прямо благодеяние.

Вырубят лес. Дров то одних сколько будет! А земля совсем даром. Очень выгодно!

И вот поданы деньги. Полупьяные мужики очень довольны. Разве нужен им теперь лес? Разве думают они теперь о будущем, когда им нужно одно — продолжить праздник? Они теперь на радостях, лишь благодарят своего „благодетеля“.

И какой либо Митька „летит“ уже за вином в ближайшую казенку... И вновь на деревне праздник. Поставлены на улице столы. На них—чай, закуски, вино... Удалая песня раздается по деревне далеко за полночь...

Утром остальная часть деревни узнает, что вновь опять лес продан. Что делать! По большинству голосов „решили“. А лес то ведь общий. Да и как пойдешь один против пьяного „большинства“. „Пей, коли хочешь! мы твоей доли не пропили“ говорят пьяные соседи „А коли не пьешь, на нас не пеняй!..“

II.

В местной печати *) не раз появлялись статьи, в которых рассказывалось про истребление лесов в разных местностях Олонецкой губернии.

Все эти статьи показывают то, что крестьянин не умеет пользоваться своим лесом, губит его, не отдавая себе отчета в том, как тесно с ним связано личное его благоденствие. Стоит вспомнить, напр.; сбор рыжиков в лесах Каргопольского уезда, доставляющий порядочный заработок крестьянину, что-бы понять то, как не благодарен крестьянин к своему истинному благодетелю—лесу.

В самом деле—побывав в крестьянском лесу, всякий воочию убедится, как безумно истребляет крестьянин свой лес, как он не бережлив в этой отрасли своего хозяйства. Масса деревьев валяется там на земле. Они гниют, так-как срублены лишь для того, чтобы взять с них прутья на хвою, метлы или веники. Нужны были крестьянину только прутья. А для этого он лишил жизни деревья и оставил их гнить в лесу, обрубив с них нужные ему ветви.

Иногда целые костры дров и бревен лежат в лесу, позабытые мужиком... Много губится лесу и ради бересты для гонки дегтя и смолы, много продается его и в уплату податей..

Но все это еще представляет маленькую долю в сравнении с тем ужасным и бессмысленным истреблением его тогда, когда мужик пожню „чистит“.

Надо крестьянину сенокос. Травы он не сеет. А лугов у него нет. И вот идет он всей семьей в общий лесной участок. И рубит там деревья, высекая их с корнями. Обрубают начисто весь лес. Терпеливо исполняет он эту трудную работу. Срубает деревья, бросает их в кучи. А потом сжигает все эти костры, в которых были сотни возов дров.

Так вырубается и сжигается лес на больших пространствах.

Мужик не научился дорожить лесом и живет жизнью своих отцов и дедов, которые чистили громадные „пожни“ и распахивали громадные „новинны“. Вот и он, подражая им, тоже „чистит“ не соображая того, что дедовские времена уже остаются позади. Лесов с

*) См. напр. мою статью „Отчего?“ в „Вести. Олон. Губ. Земства“ № 17 1914 г.

каждым годом значительно убывает, а крестьянин, верный старине, все продолжает их по-прежнему истреблять, продолжает рубить тот сук, на котором сидит.

И много вреда будущим поколениям делает поколение нынешнее. Во многих местах дорубает оно уже последние леса. Плохо придется следующим поколениям. Еще пока не все леса дорублены, надо остановить старую жизнь за ее зловещим делом. Надо запретить ей вырубать последние деревья.

Говорить крестьянам о том, чтобы они сами одумались—бесполезно. Много уже было попыток раз'яснить им вред от истребления лесов, вред для их полей, рек и, вообще, для всего их хозяйства. Старая жизнь оставила это без применения к делу. Она выдерживает свою роль до конца, так как не может переродиться и в другом свете увидеть вещи.

„Да, оно, конечно, лесу то все убывает“... скажет мужик на все такие раз'яснения: „но ведь надо же поля и сенокосы“...

Но бывает часом и так, что деревня делит лес совсем не для пахоты. Так вот напр., сейчас, когда я пишу эти строки (6 июня 1912 года) крестьяне одной деревни вернулись после раздела леса, который, как оказалось, делили только для того, чтобы продать и купить вина. Целый лес сейчас ими продан богатому соседу за 3 рубля, при чем сделано условие, чтобы все деньги сообща употребить на покупку вина, и чтобы покупатель, сверх платы (3-х руб.)... накормил бы их ухой из свежей рыбы. Это, к сожалению, факт, очевидцем которого мне пришлось быть.

Утром сегодня крестьяне этой же деревни ходили еще делить один лес за деревней „Исаково“. Вообще, дележки повторяются здесь часто и многими деревнями. Так бывает каждую весну. Делить соглашается большинство. Чаще других начинают такие, которые не пахут даже и полевой земли. Их побуждает к этому, конечно, не желание к распахиванию нового поля, а лишь желание выпить на вырученные деньги. С ними должна соглашаться и другая часть деревни.

Так каждый год истребляется лес. Никто не вступится в защиту его. А между тем как необходимо сделать это! Какую бы пользу принес здесь всему населению тот, кто защитил бы лес от грубых и пьяных рук!

И вот, всем тем, кто хочет общего блага, остается только одно: надо принять все меры в настоящее время, чтобы остановить безумное истребление лесов. И как много добра для новой жизни могут сделать все те, кто может влиять на большинство! Много пользы могут сделать власти.

Помощью постановлений на собраниях, помощью приговоров на общественных сходах, они могут остановить страшную эпидемию истреблений. Это в их руках.

III.

Как часто приходится наблюдать, что в природе, вдали от людей, все прекрасно и хорошо. Но лишь поселился человек, как уже картина меняется: прекрасное в природе исчезает тогда от руки человека, а вместо него появляется сор, грязь — вообще разрушение и беспорядок. Это хорошо доказывается неряшливым видом наших деревень с их коренным признаком — грязью, беспорядочно разбросанными угрюмыми избами, поленицами дров под крошечными, нередко с тряпичами, вместо выбитых стекол, окнами, кострами бревен среди улицы, каждую минуту хотящими развалиться, и маленькими детьми, играющими тут же, без надзора за ними старших.

Старая жизнь в наших деревнях, действительно, неряшлива. Она мало придает значения внешности и, потому, излишними находит заботы о ней. Она не сознает воспитательного значения чистоты. Не понимает того, что, в большинстве случаев, от окружающей среды и ее обстановки зависит и взгляд человека на мир и на свои отношения к людям. Этого не могла сознать старая жизнь. Вот почему она мало заботится о своей внешности. А если когда и заботится, то как заботится!

Всякий знает, как старая жизнь встречает лето и как ко дню Св. Троицы, когда все хочет жизни, она бесжалостно рубит стволы молодых берез, возами везет их домой и ставит к окнам своих жилищ эти молодые деревца. Срубленными деревцами часто убирается и внутренность избы.

Вот в какой жестокой форме справляет старая жизнь праздник обновления, красоты и радости!

Вместо того, чтобы оставить дереву жизнь и взять от него лишь несколько ветвей, которыми оно охотно поделилось бы с человеком, человек рубит все дерево.

„Стоит-то разговаривать!“ Вот его ответ в таких случаях.

Вспоминается также мне теперь одна учительница (Н. Г. Букина), которая, видя в праздник Св. Троицы расставленными у окон погубленные молодые деревца, высказалась по этому поводу так: „Вот ведь, вместо того, чтобы к такому празднику дерево то посадить, народ наш губит их десятки“.

Посадить! О, нет! К сожалению старая жизнь далека от этого. Ей, ведь, даже приказывают это. И комично смотреть на то, как она исполняет подобные приказания.

Мужик, кряхтя и охая, точно исполняя Бог знает какую тяжелую работу, выкопает в лесу несколько деревьев и, по пути как-нибудь, напр., возвращаясь с пашни, привезет их домой. Кой-как посадит потом он их под окно. „Пусть, мол, начальство посмотрит!“ Вот, в большинстве случаев для чего он все это делает.

Но вот и начальство посмотрело. Теперь, значит, больше эти березы не нужны! Пусть растут, если желают, а заботиться о них нет времени, да и не стоит!

И вот, посмотришь—одну ветром уронило, другую жеребенок опрокинул. Легом большая часть берез лежит на земле, вверх корнями, а другие стоят с посохшими листьями...

IV.

Такова внутренняя и внешняя жизнь в современной деревне. Жизнь бедная, узкая и темная. И из самих крестьян уже многих она не удовлетворяет. Необходимо расширить жизнь крестьянина, обновить ее.

Жизнь обновляется через школу. Школа — это мастерская новой жизни. Здесь старые взгляды и понятия умирают, а на их место создаются новые. Здесь происходит дыхание жизни. Здесь новые понятия как бы органически срастаются с духом новых поколений. И уже тогда все новое, при вступлении в жизнь, имеет под собой почву, имеет новые идеалы, к достижению которых члены общества и начинают тогда стремиться.

Одною из важных задач современной школы должно являться стремление к развитию в детях любви к растениям, к деревьям. вообще—ко всему живому. Чтобы из школы эту любовь дети перенесли в жизнь, некоторые школы устраивают посадки деревьев, превращая такие посадки в школьные зеленые праздники.

Это весьма разумное и важное в воспитательном отношении средство. Ребенок много переживает, много переживает над тем деревом, которое он посадит. Он будет и заботиться о нем. Конечно, тогда любовь к дереву ребенок перенесет и в жизнь. Он будет сажать деревья и заботиться о них. И так само собою остановится то безумное истребление лесов, которое есть теперь и которое происходит потому, что крестьянин не дорожит своим лесом.

А не дорожит он лесом потому, что считает его чем то далеким, посторонним от себя и от своей жизни. Вот почему необходимо приблизить лес к деревне.

Необходимо сажать деревья!

А начать это дело нужно со школы, так как через школу, перейдя в жизнь, оно будет там иметь для себя корни. Каждая шко-

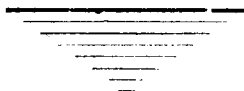
ла может устраивать посадки деревьев. Следовательно, каждая школа может начать борьбу с истреблением лесов...

Но такой путь очень медленный. Время же не идет. Каждый год старая жизнь продолжает уничтожать много лесов. Каждую весну, как и встарь, мужики делят леса и продают их за бесценок. Каждая деревня вырубает много лесов и для себя, желая делать „новинки“ для 2—3 посевов. Все падают и падают сосны... Звук топоров слышится и теперь, когда я пишу эти строки..

Никто не вступает за лес. Никто не защищает его от грубых рук... Так было раньше. Так будет и вперед, если никто не остановит этого безжалостного истребления.

А как необходимо бы сделать это! Как бы необходимо запретить истребление общественного богатства — лесов! Иначе—все леса будут здесь вырублены, как это уже и сделано во многих других местах, где приходится покупать каждое полено дров и каждую доску. Такая же участь ожидает и Панфиловскую волость, если теперь же не остановить ее за диким истреблением лучшего своего богатства...

Пока не совсем еще поздно. И в настоящее время к этому нужно принять все меры... Надо остановить!!!

Старинное село.

I.

Село Печниково *)—уголок старины. Оно основано новгородскими колонизаторами севера в конце XIV столетия и упоминается не раз в памятниках письменности первой половины этого века. (Напр. в „житии св. Кирилла Челмогорского“). В центре села стоит древняя церковь в честь св. бессребренников Козьмы и Дамиана **), обнесенная каменной, сложенной из булыжника оградой. Отсюда идут в разные стороны улицы—Атаманов Конец, Острый Конец, Рудный, Олеховский и др. Новгородское разделение поселений на концы со-

*) Печниково находится в 19 верстах от г. Каргополя по Пудожскому тракту.

**) Эта церковь сгорела в 1908 г.

хранилось здесь до сих пор. Близ Атаманова Конца находится большой пруд (Ляга), не высыхающий никогда—Ильмень-озеро здешней местности, не имеющей далеко вокруг даже ручья. На берегу пруда („Буеве“) в храмовые праздники 1 июля и 1 ноября собирается веселая толпа молодежи, раскладывают свой товар торговцы—и бывает „гульбище“.

Население, в большинстве случаев, великорусское. Народ рослый, трудолюбивый, религиозный. Живут довольно зажиточно. Занимаются хлебопашеством—и хлеба своего хватает на год. Кроме того, сбор красных рыжиков, в уцелевших кой-где от истреблений сосновых лесах, дает иногда порядочный заработок. Крестьянские избы здесь в большинстве случаев, высокие и светлые. В самом селе, а также в окрестных деревнях, живет несколько местных богатей, занимающихся скорняжным промыслом, скупкой хлеба, скота, рыжиков, дичи и т. п. *). Обозы их товаров нередко отправляются в Нижний и в Петроград. Древне-русский уклад жизни со всеми обычаями старины ревниво хранится населением до сих пор. Жизнь „по старине“, „по Домострою“ можно еще здесь наблюдать довольно наглядно. Строго соблюдаются посты, в определенное время „полагается“ известное число поклонов с лестовкой в руках и шептанием „Исусовой“ молитвы и т. д.

Особенно ревностно охраняют старину старухи—хозяйки в доме. Они строго наблюдают за тем, как чистить и мыть иконы, как очищать посуду, если в нее упадет что либо нечистое, напр. мышь.

Такие старушки—настоящее олицетворение старины. Они знают, в какие дни и как пужно поститься, знают все приметы, напр., на Великий Четверток, на Благовещение и др. праздники. В Крещение у них всегда кропятся святой водой углы дома; скот в день выгона провожается со свечкой и вербой и т. д. Среди населения, так любящего древне русскую жизнь, есть много старообрядцев—беспоповцев, но есть и православные. Часто случается, что в одной и той же семье есть те и другие. Главными хранителями „старой“ веры являются местные богачи. В их домах есть „моленные“, куда собираются все „староверы“. В таких моленных можно встретить иконы старого письма, иногда очень древние, и книги „старинные“, писанные уставом и полууставом. Особенною любовью пользуются „Златоуст“ **), „Кириллова книга“, „Книга о вере“ и „Маргарит“, каковые нередко сохраняются здесь со времен патриарха Иосифа и

*) В очерке разумеется время до 1917 г.

**) Сборники поучений на целый год, очень между прочим интересно поучение в неделю 25 „О последних днях“.

ценятся на вес золота. Это „старинное писанье“ всегда привлекает многочисленных слушателей, как старообрядцев, так и православных жаждающих душевного спасения. Чтения и беседы на религиозные темы—в большом ходу среди здешнего населения. В разговорах между собою, соседи приводят примеры из житий святых, цитируют Златоуста. Любитель старины в Печниково может узнать много интересных апокрифов *), легенд („О патриархе Никоне“), поверий, поговорок, „бывальщин“, сказок, духовных стихов и рассказов из русской старины—напр. о человеке, который спас соседа от удавления, о работнике, работавшем „за спасибо“ весь год, о старце, который молился, не зная молитв и т. п.

Все эти „сказания“ принимаются за абсолютную истину, и это обстоятельство делает людей старого века фанатически настроенными против нового поколения, стремящегося уже критически отнестись к „старинному“ писанию“. Среди „детей“, „писанье“ не пользуется, в большинстве случаев, тем авторитетом, каким пользовалось среди „отцов“; часто оно вообще даже пренебрегается ими, к неопикуемой горести приверженцев старины.

II.

Народная жизнь ярко также проявляется в сельские праздники. Здесь бывает виден весь народ, со всем тем, что есть у него хорошего и дурного.

В старообрядческом селе меня более всего интересовало отношение „староверов“ к храму. Но нигде здесь, даже среди фанатиков, я не встретил вражды к православному богослужению. Была видна иногда вражда к духовенству, но не к храму. Напротив, к храму приходилось замечать какое-то тяготение, наблюдалась нередко скрываемая скорбь души, лишенной возможности быть за церковной службой. Видя такую „тоску по храму“, я всегда вспоминал знаменитого Льва Толстого, посещающего церковь тайно от родных (особенно всеобщее бдение), где великий писатель часто стоял, затерявшись в толпе нищих.

Вообще, печниковские старообрядцы любят храм. Они даже посылают туда своих домашних и гостей-православных, часто прося от себя поставить свечку. Мне случалось их видеть и в церкви, куда, например, они приходят „стоять ночь“ накануне праздника. Большею частью старообрядцы становятся в наперти храма, в стороне от толпы, где благоговейно молятся, умиляясь при имени св.

*) Из апокрифов здесь особенно распространены „о 12 пятницах“ и „Молитва св. Сисиния“.

бессребренников Христовых, но при всем этом, избегая креститься вместе с православными, от которых всегда держатся в стороне из-за обрядов. Но чаще всего они сидят близ храма, вокруг каменной ограды кладбища. И это их „сиденье“ у ограды кажется мне всегда полным внутреннего смысла.

„И Авеель совершил жертвоприношение... И Предтеча крестил в пустыне. рассказывает здесь один, а другие жадно прислушиваются к его словам.

По селу в это время бродят целые толпы нищих, собравшихся сюда к празднику из всех соседних деревень.

...„Не дал им гору златую, а дал имя свое Христово — и тем они сыты и пригреты“... говорит глядя на нищих какая нибудь старушка и готовит „для праздника“ подавание. Слова „во имя Христово“, „спаси тебя Христос“, имеют сильное действие на ее сердце — и вот почему нищие бредут сюда „к Кузьме-Демьяну“ за милосердием издалека.

Между тем, на селе устраивается „рынок“. Близ храма, по обеим сторонам кладбищенских ворот, срублены деревянные корридоры (узкие и длинные), крытые тесом. Они пусты внутри и открываются на улицу опускающимися ставнями. В эти „лабазы“, образующие часть ограды, приезжие торговцы укладывают свой товар (кожу, косы и т. д.); такие корридоры или „чуланы“, как их называют, напр. „у Макарья“, построены около храмов и в других старинных погостах (напр., в Хергозерской Макарьевской пустыни). Они живо напоминают храмы старины, в которых наперть служила складочным местом для товаров и имела в своей середине весы для их взвешивания. Самая такая ограда, т. е. длинный ряд „чуланов“, напоминает гостинный двор и дает наглядное объяснение слова „погост“, означающего первоначально рынок близ храма, куда „госты“ (купцы) приезжают торговать и молиться.

На лугу у ограды разложено много граблей, „бураков“, „бучков“, „порочек“, боченков, корзин для ягод и др. местных изделий, заготовленных населением в длинные зимние вечера. Здесь больше всего собирается пожилой народ и старики...

В тепи под березами сошлись две старухи и, сидя на траве, рассказывают друг другу про свое житье.. За канавой, у дороги, на бревнах присели два-три нищих слепца. С ними сидит мальчик, их вожатый. Они поют стихи, привлекая публику, начинающую собираться на рынке.

...„Как во-о-струбит Михайло Архангел

В тру-у-бу-у золотую“...

запевает один старческим дребезжащим голосом, произнося слова

немного в нос;—другие зараз подхватывают за ним—и „стих“ долго слышится на улице. В протянутой руке одного из слепых находится деревянная чашка, на дне которой лежит несколько медных гривен, опущенных туда слушателями.

На „Буеве“, после праздничного обеда (чай редко кто пьет в старообрядческих семьях), по берегу пруда гуляет уже толпа молодежи.

По „гульбищу“ ходят рядами девицы, в большинстве случаев, в парчевых сарафанах и с „перевязками“ *) на головах. Поднизи перевязок у некоторых из них сделаны из жемчуга. Тут же ходят с гармоникой целые толпы рослых ребят одетых в сукопные пиджаки и сапоги с светлыми голенищами. Иные среди них „куражатся“ и, будучи пьяные, валяются по земле, хотя вообще кабака в селе нет и пьянство считается делом бесчестным **).

Близ гуляющей молодежи расположились местные торгашки. Они навезли сюда пряников, орехов и завлекают парней, приглашая их брать номера на счастье.

Для этого у них заготовлены маленькие дощечки с цифрами, которые, как при игре в лото, перетряхиваются в мешечке. Выигрыш на взятые номера выдается пряниками. Таким образом, торговец бойко сбывает свой товар, не бывая сам пикогда в проигрыше. На краю „гульбища“, где стоят гумна, устроен „колубель“. Здесь, на деревянной доске, ухватившись руками за вертикальные „шалги“, качаются девицы и парни. Маленькие девочки стоят по краям у столбов и раскачивают „колубель“.

...„Посыла-а-ет мать Григорьюшка жито жа-ать“, слышится визгливое пение с бесконечными растягиваниями гласных звуков первого и последнего слов в каждом куплете. Скрип несмазанного „колубеля“, визг песни, писк гармоники, — все это далеко слышно в окрестности и заглушает мычанье и бляянье возвращающихся стад. Вечернее солнце ярко освещает пеструю картину праздника.

Но вот по большой дороге слышен стук уезжающих тарантасов. Это пожилые люди раз'езжаются уже по домам.

Долго праздновать некогда: время рабочее и завтра с восходом солнца надо уже быть где-либо „под Тюричихой“ на сенокосе—верст

*) „Перевязки“—головное украшение девиц; замужние женщины носят „токошники“. Поверх „перевязок“ и „токошников“ одевается всегда шелковый платок.

**) В праздник 1 ноября вся эта молодежь (особенно работница из белячих мастерских) играет на льду пруда, подбрасывая ногами большой кожаный мяч—старинная русская игра, напоминающая английский футбол; зимою же здесь устраиваются ледяные горки и компании девиц и парней катаются с них на салазках в „гостьбища“ и в загоненья — на филиппов и еликий посты.

за 8 от деревни. Не остается долго и молодежь—долго гулять, особенно для девиц, считается предосудительным.

Солнце садится за лес, наступают сумерки — и праздник кончается. Никого больше не видно ни на „Буеве“, ни на „гульбище“. Все затихает. Лишь огни светятся в угловой „горенке“ высокого богатого дома. Это—моленная. С улицы видать желтые свечи перед иконами, „Налой“ на середине комнаты и на нем большую черную икону. Пять—шесть старух толпятся у стены с „листовками“ в руках. Перед иконой стоит хозяйская семья. Богач широко „истово“ крестится и кладет земные поклоны. Слышно протяжное, немного монотонное „крюковое пение. Дочери хозяина и несколько посторонних девиц поют молебен с акафистом. В окно видны их раскрасневшиеся молодые лица.

„Но твоими словесы наказуя, отче Иоанне Златоусте, моли Христа Бога спастися душам нашим“ проносится по улице давно уже заснувшего села.

III.

Среди всего Каргопольского уезда нигде нет таких чудных сосновых лесов, как здесь, около Печникова.

Местность повсюду сухая. Нигде, буквально, нет воды. В такой сухой местности, на песчаной и суглинистой почве растут чудные леса, состоящие из одних сосен. В этих сосновых борах какой-то особенный здоровый смолистый запах, что, вместе с отсутствием воды, делает их весьма полезным местом для больных туберкулезом.

Если лето было жаркое, если в конце июля шли проливные дожди, смочившие насквозь почву, то, к первым числам августа, повсюду в лесах появляется масса грибов. Сначала появятся белые грибы, или обабки, а недели через две—и красные „загубистые“ рыжики.

Сбор рыжиков, помимо всяких соображений о заработке, своего рода наслаждение. Неудивительно, что среди местного населения есть масса любителей, страстных охотников, готовых с утра до вечера бродить по лесу с одной лишь краюхой хлеба.

Ходят они медленно, наклонив голову, ступают осторожно, большею частью босыми ногами, и щупают под мхом *). У них масса приметных мест, которые всегда богаты рыжиками. В лесу с утра до вечера слышен свист, ауканье и веселые песни. В дождливый день там рыжечников еще больше рыжики: обмыто водой и они виднее на глаз. Днем хороший рыжечник набирает фунтов 25—30 мел-

*) Мелкий рыжик большею частью растет во мху.

ких рыжиков. Рыжечников, по способу собирания грибов, можно подразделить на два разряда. Одни из них всегда ходят около поля, на краю леса, целый день, тихо напевая что-то себе под нос. Бог знает, о чем он думает тут один, уединяясь от товарищей! Другой пробежит по тому же месту—ничего нет, а он, смотришь, нашел, осторожно копает, щупает рукой мох, и мелкие красноватые грибки, величиною с гривенник и медный пятак, прибавляются и прибавляются в его корзине. Земли от корней грибка он, обыкновенно не отрезает. Хотя это вредно, так-как портится грибница, но рыжечник знает, что рыжик с обрезанным корнем скоро синееет. Это самые „настоящие“ рыжечники. Так бродить целые дни, наклонив голову и напрягая зрение, очень тяжело и нужна для этого любовь к делу и большая привычка. Кроме того, „брожение“ влияет и на психику рыжечника. Люди такого рода обыкновенно молчаливы, любят уединение, всегда избегают общества и склонны к мечтательности.

Другие рыжечники, напротив, недолго остаются на одном месте, но, пробежав обыкновенно раньше всех по лесу, спешат уже в соседний и т. д., обегав за день верст 20-30. Самым большим затруднением для такого рода рыжечников является отсутствие воды, так-как в лесу негде напиться, а если брать воду с собой, то тяжело целый день носить ее,—зато хорошо им „гулять“ по ровной мшистой местности. Равнинность здесь всюду изумительная. Нигде нет сколько-нибудь высокого холма или оврага. Правда, в одном месте, около „Медвежья“, есть в лесу довольно глубокая, воронкообразная яма, дно которой поросло крапивой и забросано камнями. По поводу образования этого „обрыва“ существуют различные легенды. Одни уверяют, что слышали, будто бы здесь упал с неба огненный камень и прошел сквозь землю, а потом вдруг пошел каменный град. Может быть, на самом деле это был огромный метеор или болид.. Недавно впрочем, слышал я другую легенду. Рассказывают, что здесь была деревня Златокопытово и на месте нынешней ямы стояла изба, где собирались вечеринки. На вечера сюда приезжало много народа, было здесь много бесчинств и имя Божие никогда не упоминалось в этом доме. Один раз, около полночи, когда веселье было в полном разгаре, под'ехал сюда черный всадник на замыленном вороном коне. Он зашел в дом—и веселье стало еще неистовее. В полночь незнакомец ударил громко в пол ногой и вдруг изба со всеми танцующими зашаталась и стала проваливаться. Кинулись к двери. Дверь была крепко заперта. Так и провалились все сквозь землю. Было только слышно, как запел петух. „И теперь, прибавляет всегда рассказчик, если проходишь здесь рано утром, когда все

тихо вокруг и по земле стелется туман, слышно, как где-то далеко, точно под землей, поет петух". Такие ямы, правда, меньших размеров, остаются на месте ранее бывших кожевенных заводов. В них всегда есть колодцы для воды. И когда завод прекращает свою деятельность, дно ямы засыпает камнями. Так что причину появления оврага можно, как оказывается, объяснить гораздо проще. Сбор рыжиков продолжается до осени, до того времени, пока земля не замерзнет, так-как холода рыжик не боится. Собранные рыжики чистят, обрезывая корень, моют в воде, сортируют и солят, большую часть, для продажи,—лишь крупные, менее ценные оставляются обыкновенно для себя. Многие семьи умеют удивительно хорошо солить рыжики. В меру просоленный грибок очень вкусен и является прекрасной закуской. За весь сезон сбора от продажи рыжиков семья может выручить 150—200 рублей *). Местные богачи скупают партии рыжиков и отправляют их в Петроград. Они между собою устраивают совещания и назначают на рыжики „твердые цены“, стараясь скупить их как можно дешевле. Рыжечники все находятся у них в руках и, кроме того, большую часть им должны.

IV

Август 1913 года случилось мне провести в одной из деревень близ Печникова. Сначала я собирал „обабки“. Их сушат в особых сушильных „обабочницах“, напоминающих овины. С половины августа появились рыжики и собирать их для меня стало большим удовольствием.

С 8 часов утра уходил я обыкновенно в лес и не редко бродил там до вечера. Местные жители собирают рыжики рано утром и к 8 часам утра все уходят домой обедать, чтобы затем на весь день отправиться на полевые работы.

Без привычки трудно долго бродить по лесу. Усталость берет свое. Помню, как то раз прилег я в тень под густую сосну отдохнуть. В лесу было очень тихо. Незаметно для себя я уснул. Меня разбудили чьи то голоса.

Шагах в 10, за кустом можжевельника, сидел пожилой мужчина на вид лет пятидесяти, одетый в длинную белую рубаху и черный кафтан. Рядом с ним сидел мальчик лет четырнадцати, в старом сером кафтане. Под сосной стояла его корзинка. Он, наверное, собирал рыжики и теперь отдыхал. Мальчик и его сосед разговаривали между собою. Из-за куста мне нельзя было видеть их лиц, но по невучему голосу пожилого человека, все более и более возвы-

*) Местная цена (до 1914 г.) была за 1 фунт мелких рыжиков 25 коп. И. Р.

шавшемуся, можно было заключить, что он говорит с воодушевлением.

— „Восьмая тысяча долга и коротка. Наступает последнее время. Антихристово царство приближается“, доносились до меня отрывки фраз. Я двинулся ближе, чтобы яснее слышать разговор. „Вот паренек“, продолжал тот же голос, „в старинных то книгах написано,—в последнее время один пахарь будет пахать на семи полях... увидя медвежий след, обрадуется... А мы все заботимся о „сесветном“, а о своей душе не заботимся... Антихристов тот человек, который ждет хорошего в последнее время. Вот послушай, что Ефрем Сирий пишет—будут, говорит, страшные всемирные войны, по слову Спасову затворится небо на 3 года и 6 месяцев.

Голод будет и скорбь; живые будут мертвым завидовать. И придет тогда на землю пророк Илья и обличит развращенных людей, которые крестного знамени стыдиться будут и они убьют его... Вот к чему время идет, а мы все еще о мирском думаем“.

Воцарилось молчание. „Зимусь я читал, тихим голосом начал мальчик, книгу „О 20 мытарствах“—и там все „умильно“ так описано о мучениях. И я долго думал о кончине мира. А тетушка мне рассказывала, как начнется страшный от суд, так восплачутся все колена земные. Будут волосы на себе рвать; скажут ой мы, окаянные, жили на оном свете в зависти: брат брата не любили, „сусед суседа“ ненавидели. Да вот ходили мы „осенесь“ *) в пречистый праздник жарить картошку и брать-ягоды за поле, а через дорогу проходила скрытница **) и говорит нам: „Забыли люди Бога и праздники вот не почитаются. И свет то как еще стоит... Верно есть еще „молящие“ люди на свете. И только они, скрываючись по вертепам и пропосгям земным, умоляют за нас грешных истинного Христа да с ними молит и Мать Пресвятая Богородица. И будут так умолять до второго пришествия“. И вот с той поры все мне хочется почитать старинного писанья „про кончину мира“.—„В воскресенье зайди к нам в „моление“, я тебе дам „Хождение Богородицы по мукам“ и „Григорьево виденье“ ***). Вот где задумаешься то, да поплачешь... А то что—вот ты и в училище ходишь, и книжки читаешь, а все пынешнее писанье—романы там разные—все антихристово! Старинное то писанье, паренек, забыто. И у святых отцев написано, что в последнее время золото на улице будет валить.

*) „Осенесь“, „зимусь“, „веснусь“, „гетось“—местные выражения, означающие прошлой осенью, прошлой зимой и т. д.

**) „Скрытника“, или скрытые—одна из раскольниковых сект.

***) Апокрифическое житие Св. Василия Нового, написанное учеником его Григорием. (Автор).

ся и не поднимут. Что то золото?—Книги святыми отцами написанные—вот то золото. А вера Христова до последних дней все будет „гонимое и неодолимое“. И Павел пишет: „Во Христе благочестно хотящие пожить, гоними будут“. И вот гонят, малец, всегда гонят веру Христову. „Покоенка“ мать, бывало, рассказывала мне, как ее заперли в холодную за „правую“ то веру. Давно это было. В то время еще старшин не было,—добросовестные служили. И сидела она два дня голодом. Старшего брата моего, тогда еще грудного младенца, держала на руках и говорит: „хоть с ребенком пусть заморят, так не откажусь от „истинной“ веры Христовой и к „щепетникам не пойду“. Вот твердость то была у старых людей. А теперь слабость большая в народе... Антихрист живет в мире.—„Да ведь какой-то языческий царь гнал и мучил христиан, а теперь у нас нет язычников“!—„Молод ты, паренек, и мало еще понимаешь! Видишь, Златоуст говорит: „Как дева, потерявшая невинность, есть по имени только дева, так и христианин, позабывший закон Спасителя, есть христианин только по имени“. Много язычников и теперь, паренек! Соблазн большой в людях. Есть и такие, что с детства были приведены в веру крещеную, а потом опять отошли к „наемникам“ и не думают окаянные, что им будет на том то свете. Один раз (читаем в святом писании) Макарий Египетский мертвую главу идольского жреца спросил—каково на том свете душе жрецовою?—и та глава ему, отвечала: „находимся в огне вечном и нет конца огню тому, ибо не звали истинного Бога“.—„А нет ли еще ниже вас по муче?“—спросил святой. „Есть, говорит, отче, ниже нас те, что „спознали“ веру Христову, да потом опять отступили от ней!.. Вот наказание какое будет отступнику. Лучше бы не жить тому человеку...

Но ты еще молод, юноша. Верим мы, что соединится вера и приславится, но на самое малое время, так-как ничего нельзя ожидать хорошего в последние дни, ибо, чаша гнева Господня переполняется.*) Ну, прости Христа ради! Дай тебе Бог дожить и увидеть соединение веры. Спаси тебя, Христос!“

Последние слова были произнесены тихим, спокойным голосом. Сосед мальчика поднялся и пошел к полю. В лесу опять все стихло. Слышно было, как тихо шумели верхушки сосен в синеве неба.

Мальчик долго глядел ему вслед. И потом тихонько пошел через кусты, печально наклонив голову.

Между ветвями мелькнул его серый кафтан.

*) Здесь намечается на 13 и 14 гл. Апокалипсиса.

V.

За кустом была тропинка. Я направился по ней и вышел на край леса. Здесь начиналось большое поле ржи. Тропинка вела в деревню. По ней, среди высокой ржи, шагал тот человек в черном пальто, разговор которого я так сейчас невольно подслушал. Это как потом оказалось, был старообрядческий начетчик—„староверский поп“, как его называли окрестные мужики. Он ходил в соседнюю деревню беседовать со своими „пасомыми“, т. е. в моленную, где он и жил.

Заходящее солнце освещало длинные ряды „дивитириков“ и „суслонов“ ржи на выжатых кой-где полосах. Вдали слышались окрики пастуха и мычанье стада, возвращающегося в деревню. Изредка доносились песни работниц, жнущих за полем овес. Повсюду было тихо. И эта чудная тишина сельского вечера наполняла душу какой-то светлой грустью и переносила воображение в тот темный век, когда впервые раздались проклятия в русской церкви и лучшие ее сыны стали называться раскольниками...

Наступил вечер. Кроваво-красное солнце садилось за лесом. В соседнем селе благовестили к вечерне. По дороге тянулись возы снопов... Там, на краю поля, среди старообрядческого кладбища, человек шедший среди ржи, снял шляпу и долго крестится в ту сторону, откуда доносится звон... Длинная тень его далеко, виднеется по полю...

ЛЕСНЫЕ ЛЮДИ.

(Путешествие... в XIV столетие).

I.

Вот уже четвертый день идем мы дремучим хвойным лесом... Сосны и ели, уходя вершинами далеко вверх, заслоняют от нас небо, Кой-где встречаются маленькие болота. Лес и болота... Болота и лес... И так без конца... Уже много десятков верст отшагали мы по этим, почти неведомым никому, молчаливым лесам, а они все без просвета стоят перед нами. И, кажется, им не будет ни конца, ни

краю.. Мелькнет иногда в стороне небольшое лесное озеро, с низкими, зарастающими берегами, иногда птица прошумит крыльями в воздухе, перелетев на другую вершину. Прохрустит под ногой переломленная высохшая ветка... В лесу тихо...

Серое осеннее небо постоянно моросит дождем, от которого уже промокло насквозь все наше платье. Мне неоднократно начинало казаться, что мы сбились с дороги, но я ничего не говорил об этом с моим молчаливым товарищем—стариком охотником, надеясь на его опытность.

Целый день плетемся мы по узкой лесной тропинке, проложенной здесь зверями и лишь в некоторых местах человеком. Ночуем в лесных избушках (находящихся иногда на довольно далеком расстоянии друг от друга), с очень низкой дверью, срубленных здесь лесниками, для ночлега в зимнее время. В избушках холодно, сыро и очень дымно, но мы всегда очень им рады.

Пройдя губернскую просеку, вышли, наконец, мы в леса Олонекской губернии. Здесь тропинка сделалась шире и постепенно превратилась в дорогу, на которой уже явственно обозначался след колеса. Показалась неширокая лесная речка, которая, как потом мы узнали, называется „Еменьга“. Мы направились вдоль ее берега. Был уже вечер. Дождя не было. Холодный осенний ветер, вестник зимы, заставлял ускорять шаги.

Темнело. В вечернем сумраке очертания предметов делались неясными и, наконец, начали сливаться в одно темное пространство и лес, и луг. Стоял уже сентябрь месяц и ночи были темные; те темные осенние ночи, во время которых ветер да волки воют в пустых полях, заставляя содрагаться одинокого путника.. Кой-как ощупью отыскивая дорогу, мы грустно молча думали о ночлеге среди леса. Негде обогреться... Темно и сыро... Злобно воют звери. Волновали и слышанные ранее достоверные рассказы о мертвых человеческих телах, находимых на этой „Широхановской“ (как называл мой спутник) дороге, с несомненными признаками убийства руками людей...

Таковы были мои размышления среди темной ночи. Как велика была после всего этого радость, когда часа через полтора такого пути, вдаль, наконец, показался огонек! Сначала слабый и еле заметный... Но все же придающий бодрости. „Огонь!“ первый воскликнул мой спутник. Мы оба радостно зашагали вперед. Огонек делался все больше и больше, по мере нашего приближения. Вскоре уже видно было, что это не один огонь, а целый ряд огней, расположенных в виде неправильного многоугольника, может быть, (так сначала подумал я) какими-нибудь кочевниками. У костров чернели

фигуры людей. Мы подходили к огням... Вдруг залаяли собаки, слышались голоса... Стало понятно, что перед нами какая то деревня... Подойдя ближе, на огне можно было уже видеть большой черный котел. Такие же котлы были и на других огнях.

И так, значит огни были разложены на улице среди деревни, перед окнами изб, черпеющих рядом.. Люди стояли молча и подбавляли дров. Мы поздоровались и попросились погреться. Высокий седой старик ничего не ответил. Лишь как то грубо спросил: „Откуда?“ „Из Вологодской губернии, из-за Широхановой“, ответил мой спутник“. „Посбились с дороги, наверно?“—„Да“, опять ответил товарищ: „хотел было прямо на Канакшу пройти“... „А куда же мы попали?“ спросил я у старика.—„Влево, влево от Канакши,—в Мехренгу“ был опять такой же краткий ответ.

К котлу собралось несколько любопытных от других огней. „Что вы тут делаете?“ опять спросил я.

— „Что делаем то?—Пиво варим,—вот что делаем: не видишь разве!“ „По какому же случаю?“ — „По какому случаю то!“ усмехнулся один: „да вот праздник приходит — „Здвиженье“ — у нас, в „Гришиньской“ деревне будут гости.. Как без пива!“ „Каково сей год пиво то бежит?“ спросил мой молчаливый товарищ.—„Да ничего—бежит!“ ответил тот же старик. При этом он взял железными клещами раскаленный докрасна камень и опустил его в стоящую рядом большую бочку.

Так он повторял раз десять, после чего все стали расходиться. Костры догорали.

„Не опасно ли это — варите пиво на улице и огонь держите у самых дворов?“ спросил я.

— „Ничего, Бог храни, никакой опасности не бывало. Старики вот при моей памяти так варили и прямо во дворе на соломе—и то ничего не бывало“ добавил старик. Я повторил просьбу о почлеге. Он сказал: „можно! Вот я уже внука кликну“. „Гриш!.. А, Гриш!“.. Позвал он. Выбежал мальчик лет двенадцати.—„Вот сведи их в избу“. сказал он внуку, указывая на нас.

Мальчик, освещая лучинкой дорогу и подпрыгивая (он был босиком) по застывшей земле, пошел к избе. Мы последовали за ним...

II.

И так, не было никакого сомненья в том, что мы попали в село Мехренгу, Каргопольского уезда. На карте Олонецкой губернии это село обозначается в юго-восточной части, в самом углу не только Каргопольского уезда, но и всей Олонецкой губернии (там, где проходит ее граница с губернией Вологодской).

Река, по берегу которой мы шли вчера, также отмечена на этой карте и, действительно, называется Еменьгой. Она впадает в небольшое Спасское озеро. По ее берегам расположено несколько деревень, в том числе и Гришинская, где мы остановились (также обозначенная на карте).

Ранее в этом уголке мне ни разу не приходилось бывать и теперь для меня представляли большой интерес эти деревни, окруженные со всех сторон лесами, отгороженные от жилых населенных мест, с населением, живущим по старине, о чем уже свидетельствовал древний новгородский обычай варить пиво *), исчезнувший во многих других местах и сохранившийся здесь, в глубине бывших „пятин“ Повгорода и в землях, с ними смежных, таким, каким он был на Руси в XIV и XV веках и гораздо ранее.

Люди, живущие среди дремучих лесов и сохраняющие обычаи седой старины, меня также очень интересовали. Я решил остановиться здесь, чтобы познакомиться с местной жизнью. Мой же товарищ спешил в село Канакину, где у него (по его словам) были знакомые. Рано утром на следующий день мы расстались с ним и я остался в Мехренге, где жил более недели, присматриваясь к жизни народной...

Мехренгское сельское общество (Воезерской волости) состоит из 13 деревень, расположенных по высоким берегам реки Еменьги (о чем упомянуто выше) и частью по берегам Спасского озера. Все деревни общества находятся на расстоянии не более одной версты друг от друга. При взгляде на такую деревню, состоящую из нескольких десятков плохих старых строений, с меленькими окнами и навозными дворами под жилыми помещениями, поражает прежде всего отсутствие в ней хотя сколько нибудь прямых улиц. Всюду в деревнях избы стоят без всякого плана, так что напр., гумно одного крестьянина примыкает к окнам избы другого и т. д., оставляя весьма узкие проходы...

Так строили в старину!

Деревни окружены со всех сторон полями, сенокосами и лесами. Местность вокруг довольно красивая. Озеро, с высокими берегами и поросшими лесом островками, имеет прекрасные виды. Теперь, в ясный осенний день с островов и берегов его глядят всюду из-за зелени елей и сосен красные рябины и желтые березы. Оно же спокойно сверкает среди них своею темно-синиею поверхностью. Но среди этих видов серые деревни (напр. Заборье), без одного деревца под окнами изб, производят грустное впечатление. На берегу озера находится также и сельское кладбище, расположенное посреди гу-

*) См. напр. былинку „о Ваське Буслае“.

этого природного леса, вдали от церкви—обычай дохристианских времен на Руси!

Местность кругом холмистая... Поднявшись на такой довольно высокий холм (или „горушку“) можно видеть всю Мехренгу и кругом ее—все обилие полей и лесов, принадлежащих ее жителям... Да, здесь всего вдоволь. Всюду большие поля с зеленеющей на одних озимью и желтеющей на других „житвиною“,—следами трудового лета.

Земли хватает всем. „Сколько хошь, столько и паши“, говорят здесь. Жители Мехренги не знают споров о земле и в этом отношении они также очень далеки от земельных крестьянских нужд XX века! Почва на полях довольно плодородная и хлеба родит вдоволь, не смотря на то, что обработка полей ведется по старине*). А сколько еще здесь его перегонят в пиво!

Изучая местную жизнь, я очень удивился, узнав, что мехренгский крестьянин круглый год варит и пьет пиво. Конечно, от этого все его хозяйство терпит большой ущерб и опускается все ниже и ниже с каждым годом. Но он не хочет и думать о причине своего разорения... Он также требует властной отеческой помощи, как и крестьяне других местностей. Дело с постоянной варкою пива обстоит так:

1) В каждой из 13 деревень Мехренги есть свой местный праздник, к которому все домохозяева деревни обязательно варят пиво, употребляя для этого всегда почти по 5—9 пуд. ржи каждый.

Бедные также варят, но только в меньших размерах. Лучше докупит хлеба другой бедный мужичек, часто продав для этого корову или овцу, но никак он не пропустит праздника без того, чтобы не сварить пива.

2) К храмовому празднику в честь Св. Николая Чудотворца пиво варится всем обществом два раза в год: 6 декабря и 9 мая, при чем с зимнего Николина дня пиво пьют до Рождества.

3) Варят пиво также на свадьбы, которые, кстати, бывают почти всегда с „похищением“ невест, при чем часто бывает, что „окрадывается“ и брак, так-как невеста живет несколько дней до венчанья в доме жениха.

4) Говоря о варке пива, нельзя умолчать о заслуживающем интереса старинном способе работать все крестьянские работы сообща, т. е. помочами, и не за деньги, как это есть, напр., в других мест-

*) Здесь говорится про большинство и исключаются те, которые вследствие каких ли-
хих обстоятельств стали бедняками.

ностях Каргопольского уезда, но зато же пиво. Вozить бревна, дрова, навоз, косить траву, убирать хлеба — все это работается целой деревней (иногда даже несколькими) сначала у одного крестьянина, потом у другого и т. д. Такие помочи бывают круглый год и во всякое (между упомянутыми праздниками) время, не исключая даже и великого поста (возят дрова и зимний навоз).

Каждая помочь обязательно должна оканчиваться „пировкой“, во время которой выпиваются целые бочки пива. Без пива же не бывает ни одной помочи, даже и в великий пост...

Здесь какое то пивное царство!.. Варить пива можно сколько угодно и когда угодно — никто этого не запрещает. А между тем с каждым годом, как сказано, все уже заметнее падает „домашнее благополучие“ „мехрежанина“.

Еще в XIV веке, при Иоанне III, были постановления, запрещающие варить пива сколько угодно и позволяющие лишь в довольно ограниченном количестве, и то не всегда, но лишь в известных случаях *). Ограничения простирались и еще далее, так как после „пировок“ приезжали тогда особые чиновники (так называемые „кабакские головы“), которые и запечатывали оставшееся пиво до следующего праздника. Этот закон существовал и в XVII веке.

Но никаких ограничений не знает этот народ, живущий очевидно еще ранее XV века.

Вот подходит его праздник... Он ржи навозит, намолотит зерна, наделает солоду, наварит пива, сколько хочет и будет во время своей „пировки“ угощать им мужичков—соседей!..

Такою былинною древностью отзывается его простая жизнь, сложившаяся еще в столь отдаленную эпоху...

За полянами всюду следуют сенокосы, которых у каждого крестьянина также вдоволь. Только приходится сожалеть о том, что большинство сена осенью у бедняков скупается за бесценок местными богачами, которые весной опять продают это сено (часто прежним его владельцам), но лишь по дорогой цене. Так же теперь здесь начинают поступать и с хлебом. Из-за недостатка в корме скот весной голодает. Скота же крестьяне держат довольно много (многие держат по 30 овец и 10 коров, имея также и свиней), но скот адепный, в большинстве случаев, мелкий и тощий.

Озеро Спасское изобилует рыбою, которую ловят зимою и летом. Среди добываемой из озера рыбы иногда встречаются крупные вкусные лещи.

*) Указания на такие ограничения встречаются еще ранее, а именно—в „Русской Правде“. (Автор).

Лесов здесь очень много, несмотря на то, что они беспощадно истребляются (напр. березовые леса). Крестьяне, добывая бересту, (пужную для гонки дегтя, так как население занимается дегтекурением), рубят целые березы и, ободрав нужную им бересту, оставляют дерево в лесу гнить, но думать об этом истреблении—никому даже и в голову не приходит, так как оно считается явлением самым обыкновенным, нестоющим никакого внимания...

Кроме всего перечисленного, природные богатства края еще заключают в себе особый отдел—минеральных богатств. Не считая уже „либаstra“ и белой глины, встречающихся здесь целыми „горами“, (к сожалению, население совсем не знает гончарного промысла) земля содержит в себе слои серы, которая в некоторых местах встречается здесь в таком изобилии, что особенно весной, по словам местных жителей, выступает из под почвы. Встречаются минеральные ключи и источники.

Много богатств дала здешняя природа человеку, но все эти богатства мертвым капиталом остаются в земле. И, конечно, будут лежать там без пользы до тех пор, пока народ, постепенно развиваясь, будет выходить из глубины веков и вступать на путь все более и более культурной жизни. Постепенно переходя из века в век, достигнет он, наконец, XX века... Пройдут тогда чрез эти дебри железные дороги, электричество осветит прочные и светлые здания... Тогда и Божие благословение втуне в земле не останется *)...

III.

Наступил праздник Воздвижения Креста Господня. Утром меня разбудил звоп „благовестника“ и я отправился к молебну. Служба шла не в мехренгской Николаевской церкви, одиноко стоящей среди „ораного“ поля **), но в маленькой деревянной часовенке, находящейся среди здешней (Гришинской) деревни. Часовня эта уже ветхая и, кажется, очень старинная, о чем свидетельствует и деревянная резьба, некогда украшавшая ее стены и теперь обвалившаяся и негодная за ветхостью. Между прочими старинными вещами есть в этой часовне один деревянный крест, который нужно отнести к древностям. Также отличается стариною картина Страшного Суда (и некоторые другие изображения), нарисованная во всю поперечную (от дверей) стену часовни... Народу в часовне все прибывало и прибывало. Каждый хозяин, приходя к молебну, приносил с собою в

*) Выражение Петра Великого.

**) Церков в селе Мехренге построена еще сравнительно очень недавно,—годов 15—16 тому назад. Ранее же существовала лишь здесь одна Гришинская часовня.

мерке рожь, овес и жито, что и ссыпал в имеющийся при часовне ларец. Женщины же приносили масло и овечью шерсть... Начали уже читать Евангелие, обложенное вместо папки деревянными досками. При виде этой книги мне вспомнились старинные русские „книголюбцы“, с их выражением „читать от доски до доски“. Я подошел поближе, чтобы взглянуть на текст Евангелия. Книга, как и следовало ожидать, оказалась рукописною! Начертания букв в ней были такие, какие встречаются на памятниках письменности XIV столетия *). Часовня, за теснотою помещения, не могла вместить всех желающих молиться. Народ стоял и в паперти, и на улице. Молебен кончался. Истово крестился народ. Ветер играл волосами молящихся на улице. Показалось из туч и холодное осеннее солнце... Вот молебен окончился. Прошел уже и причт, а за ним и отблагостивший трапезник **). Народ стал расходиться по домам. У изб, с „яндами“ (т. е. с большими медными чашками или „чарами“) в руках, стояли хозяева в новых „обрядах“ ***)) и приглашали гостей, прося их попробовать „пивца“. Гости тут же, на улице, пробовали. Наиболее же почетных гостей хозяева приглашали в погреб, к самой пивной бочке, и там угощали их. Такое угощение принято считать наибольшею честью...

Во время праздничного обеда, начавшагося почти сразу же, хозяева постоянно ходили в погреб, все прибавляя и прибавляя к столу пива. Кроме же пива, на столе стояло уже много светлых бутылок из под водки, так-как по всей Мехренге кроме пива, в числе праздничных напитков, должна находиться и водка, которую пьют здесь даже женщины и дети.

Между тем из за столов уже слышались пьяные разговоры, шум, брань. Но это еще служит лишь началом „веселья“, того хмельного веселья, во время которого другой раз тяжелые медные янды ударяются в приятельские головы, а стаканы и ложки служат орудиями защиты и нападения... Такой оборот дела станет нам понятен, если мы обратим внимание на то, что уже целые ушаты пива вышиты гостями и что „яр-хмель“, в обильном количестве со-

*) Евангелие это со старинными медными изображениями 4-х евангелистов на папке вместе с прочими упомянутыми вещами до сих пор хранится в Грашинской часовне села Мехренги. Каргоп. уезда. Год же написания его, к сожалению, с точностью определить невозможно; за утратою в нем заглавного листа.

**) Старинное местное название, означающее „церковный сторож“.— Употреблением подобных терминов население обязано выходцам из Ошевенского монастыря, которые находились в числе старинных жителей Мехренги.

***)) Местное выражение, означающее „наряды“, т. е. праздничную одежду. Будничная одежда крестьян делается из крашенины синего цвета. Праздничная же — „торговая“, — красна.

державшийся в пиве, сильно уже ударил всем в головы и разгорячил кровь... На улице в это время „гул“ л“ пестрая толпа, среди которой молодежь с гармоникой и песн ми занимает видное место. Слышится всевозможная брань, пьяные песни... Постный праздник Св. Креста становится совсем неузнаваем при взгляде на эту полужыческую толпу... В одном месте началась драка. Праздничная толпа, толкая друг друга, двигалась к этому месту. Там уже бросались поленями и наносили раны ножами, каковые всегда имеет при себе здешняя молодежь; слышался крик, стоны... Кучка парней с криком напирала на толпу других, стараясь их побить. Было похоже на то, будто на улицу вышла сейчас шайка Васьки Буслаева и вступила в бой с мужиками новгородскими... Такие драки, имеющие причину ничтожную ссору, оканчиваются иногда здесь убийствами. Увечья же—обыкновенное явление... Девушки, гулявшие все время рядами, тоже смотрели на драку... Некоторые из них о чем то перешептывались...

Между тем, короткий осенний день уже клонился к вечеру. Хмель действовал всюду. На улице, все еще не опустевшей, виднелись фигуры пьяных людей, валяющихся в грязи. Вот один из таких, лежащий посреди дороги. Глаз его подбит. Рубаха разорвана. На теле видна кровь. Волосы растрепаны.

Солнце уже село и ясная лунная ночь была над деревней. Луна освещала всю улицу. Я остановился у крыльца одной из изб на краю деревни, чтобы наблюдать конец праздника

IV.

На другой день, в воскресенье вечером, я начал собираться в дорогу, покидая Мехренгу. Старик хозяин, у которого я проживал все время, взялся довести меня до Няндомы. Разговаривая про дорогу, он все время советовал мне подождать утра. Мне же нужно было спешить и я попросил запрягать лошадь... „Эх не охота уж мне к ночи то ехать“... ворчал он, выкатывая из сарая телегу.— „Ладно, ничего,—народ знакомый“, говорил в ответ ему сосед, позванный помочь смазывать экипаж. Мне хотя и был слышен их разговор, но смысл его был непонятен. „Готово!“ сказал, наконец старик. Я вышел на улицу. Был лунный тихий вечер. Слегка морозило. Я уселся в телегу. Он тронул лошадь, и колеса застучали по замерзшей земле. Молодая лошадка бойко тащила незатейливый, довольно легкий экипаж. Освещаемые луною, мы ехали сначала полями, а потом лесом, поднимаясь на горки и затем снова спускаясь

с них. Ехать было приятно. Часа через полтора такой езды показались деревня Заозерье (Воезерской волости). Здесь была вечеринка. Толпа молодежи стояла на улице... Дюжий парень, повидимому рекрут, так-как „куражился“ более других, сказал по нашему адресу какую-то циничную фразу... Остальные громко засмеялись.. Стариком, который все это видел, овладело заметное беспокойство. Он начал бойко постегивать своего карего. Вдруг сзади раздались крики: „Стоп! Держи!“ Послышался шум от рассыпавшихся поленьев. Не успели мы и оглянуться, как вдруг большое полено, с шумом пролетев над моею головою, ударило ящику в спину... „Ой-ой“ застонал он старческим плачущим голосом... Была ночь. Никакой помощи ожидать было невозможно. Крики же раздавались уже почти рядом. Невольный испуг овладел мною. Но, на счастье, старик быстро опомнился. Схватив возжи, он так ударил лошадь, что бедное животное, собрав все свои силы, помчалось во весь дух. „Держи!.. Держи!.. слышалось сзади, но уже не с такою силою как раньше и заметно начало стихать вдаль... Старик же все хлестал и хлестал свою лошадь. Теперь мне стали понятны и его разговор с соседом, и его неохота ехать в ночное время. Он знал обычаи своего края. Но вместе с соседом понадеялся на то, что все его знают в лицо. Надежды же эти не сбылись, так-как молодежь не спрашивает, как оказалось, никого. Позднее я узнал, что такие „захватыванья“ здесь — обычное явление после всякого праздника. Шайки подобных пьяных полудиках „ушкуйников“ делают заставы по дорогам и нападают на всех проезжих, не разбирая ни возраста их, ни пола, и без всякой побудительной к тому причины, имея в виду лишь ту цель, чтобы захватить и побить, находя в этом удовольствие. Несколько успокоившись, старик разглаживал свою спину. На лице его было написано страдание от поющей боли. „Эх, как не хотелось мне ехать то!“... говорил он. „Вот народ у нас!“ начал все еще не спокойным голосом старик. Прямо не в грош ни ставят обидеть человека. Вот не особенно еще давно (кажись с год тому назад), около Михайлова дня (8 ноября), ехал тоже так, вечером, Мошинский кожевник из „Воезера“ с ярмарки и вез воз кож... Вдруг из под мосту, у самого этого леса, выскочила партия... Держи! Ну и живо... Никого посторонних не было. Кожевнику кричать не дали, пришибли, а коня с возом кож, для отводу глаз, столкнули в реку с крутого берега, эле того на другой день и нашли замерзшим... Кожевника же, ограбив, куда то спрятали... Сами разбежались... Ищи после! — заключил он. Мы ехали по мосту, глубоко под которым журчала река, освещенная месяцем... Рассказ старика оказался совершенно правдивым. Это я узнал позднее из официальных источников.

Мы ночевали в селе „Моша“ и вновь опять, на другой день, дорога потянулась дремучими лесами, в которых не видать было жилья человеческого. Изредка лишь попадались домики для ночлега, напр., „двор Манушкина“ и опять вливались леса...

Всю дорогу находился я под впечатлением только что воочию виденной жизни минувших столетий. Всю дорогу рисовались мне картины из жизни былой дикой старины, простой до ребячества среды своей дикости и своего буйства.

Вечером, едучи по густому лесу, услышали мы, наконец, несколько звонких железнодорожных свистков... Замелькали огоньки поезда и железное чудовище промчалось вперед, направляясь среди этих лесов на юг, от холодного моря... Мы приехали на станцию Северной железной дороги—Няндому.

Здесь я растаял с добрым старичком моим, представителем далекого века. „Ходит ли к вам почта?“ спросил я у него на прощаньи, имея в виду писать их причту по поводу некоторых, интересующих меня, сторон бытовой жизни в приходе. „Пошта та?—Нет, не ходит“, сказал старик, отрицательно качнув головою.

„Заезжай вперед, коли спутье будет“, пригласил он. Я поблагодарил.

„Ну трогай!“ вдруг обратился он к своему „карему“. И, заворотив телегу, не торопясь направился опять в свои леса...

Поезд уже готовился к отходу. Я сидел в вагоне, все продолжая думать о той жизни, которую я видел теперь в этих лесах и которая осталась там совершать свое течение, постепенно достигая XX века.

Когда то она достигнет его! Когда то еще просвещение своею мощною рукою коснется этого края, растопив всю его дикость и выведя его население на путь культурной жизни!

Раздались вновь свистки. Поезд тронулся. Замелькали предметы, побежал лес. Расстояние заметно начало убывать. Гений человека побеждал пространство.

Лесные люди остались там, где то вдали...

Мне показалось, что я опускался в какое то глубокое подземелье и видел там жизнь прошедших веков. Теперь захлопнулась дверь в это подземелье. Я поднялся в XX век. И иногда я сидел в вагоне и думал о городе, мне все еще казалось, что где то внизу, глубоко под ногами, спокойно совершает свое течение жизнь XIV века...

Быстро мчится поезд, стучат колеса под вагонами, свистит паровоз, и я уношусь туда, где сияет электричество, мчатся трам-

ван, автомобили, вечно суетятся и спешат люди, где идет сложная, кипучая деятельная жизнь, полная самых разнообразных интересов... И одинокими, жалкими кажутся мне теперь темные люди, оставшиеся там, в далеких лесах...

Какая та грусть охватывает душу...

ТАЙНА БОЛОТ.

(Легенда из Каргопольской старины).

I.

Проезжая из Каргополя в Пудож, в один из летних вечеров июля 1911 года, я под'езжал к Орловской станции, находящейся почти на границе уездов Пудожского и Каргопольского. Лошади радуясь вечерней прохладе, быстро неслись по усыпанной песком дороге. По обоим сторонам тянулись дремучие хвойные леса. Дорога белела среди них извилистой лентой, то поднимаясь в гору, то вновь быстро исчезая в безконечном лесу. Ямщик, молодой парень, задумчиво сидел на козлах, по временам разговаривая с лошадьми.

Мы миновали небольшое лесное озеро, расположенное у самого края дороги, все покрытое белым паром, каменную часовенку (на свертке в Кирилло-Челмогорский монастырь), проехали несколько лесных полей и, наконец, в'ехали в небольшую деревушку „Ручей“ с протекающим за ней извилистым ручейком. Передо мною уже белело своею поверхностью довольно большое Лекшмозерское озеро, окаймленное темным, в вечернем сумраке, лесом. Показалось несколько десятков расположенных вдоль берега, по краям дороги изб, большею частью ветхих, с деревянными трубами на крышах... Вдруг лошади остановились у нового двухэтажного дома. Ямщик слез с сиденья и сказал: „станция“.

С крыльца в это время вышел навстречу пожилой человек и назвал себя содержателем станции.

Он провел меня в чистую комнату и тут любезно заявил, что так как за день лошади все вышли, то мне уже придется подождать до утра.

Спешить было некуда, и потому я спокойно встретил это известие. Хозяин вышел заказать чай. Я сел к окну и смотрел на улицу, где бегали деревенские дети.

Неприветливо смотрели на меня старые угрюмые избы, за ними виднелись кое-где огороды и гумна, там далее было расположено небольшое поле, и за ним чернел сплошной лес.

С другого конца деревни слышались песни... Рабочие, неся за плечами вилы и грабли, усталую толпою возвращались с сенокоса.

— „Что, девка, у тебя в руках?“ Послышался голос хозяина из соседней комнаты.

— „Топор нашла в болоте у Калмы“, отвечала молодая девушка, проходившая мимо окна.

— „Опять такой жа“, сказал хозяин и взял вещь в руки.

— „Такой же... Стали косить у кустов. Вдруг что-то зазвенело—чуть косы не сломила. Гляжу — во мху топор. Прошлый год, продолжала девушка, дядюшка тоже такой же нашел“... Я вошел в комнату и очень заинтересовался, увидев весь заржавленный топор старинной формы. Такой формы топоры, судя по рисункам, встречались на Руси лишь в старое донетровское время.

— „Как же в болото попали такие вещи?“ спросил я.

— „Кто их знает“, отвечал хозяин. У нас здесь народ уж находит в болотах (верст за 20 отсюда у реки Калмы) разные старинные вещи... Кто положил их сюда—неизвестно. От стариков я слышал много рассказов про это, да можно ли верить? Мало ли что болтают“...

— „Все-таки, расскажите, пожалуйста, что слышали“, спросил я.

— „Да вот пойдемте чай кушать. Что слышал—расскажу“.

II.

Мы прошли в другую комнату и уселись за стол, на котором стояли чайные приборы.

— „Видите ли, начал хозяин, когда это было, в точности не знаю, но по рассказам—было это уже давно. Тогда царская служба (т. е. солдатчина) была очень длинная и тяжелая...“

Много рассказов слышал я про эту службу... Не все могли ее выносить. Те, кому была она не по силам, убегали скрываться от нее в глухие места. Место наше,—сами видите, и теперь еще окружено дремучими лесами да болотами, а что тогда было—и говорить нечего!

Вот и собирались такие беглецы здесь среди почти непроходимых, неизвестных никому, кроме местных жителей, болот по реке Калме. Здесь они и жили, собравшись шайкой. Но надо им было

ормиться. А средства для промысла были близко.. Видите,—наша олость (Лекшмозерская) лежит на границе между 2 исстари населенными местами — г. Пудожем и г. Каргополом. Город Каргополь был раньше богатым городом.

И на глухом волоку, что узкой лесной тропой пролегал между гимн городами, часто много было проезжих, особенно людей торговых, а также и богомольцев, пробирающихся в Макарьевский, Челмогорский и др. монастыри. Дорога сюда шла все дремучими лесами—верст по 70—80 в длину и топкими болотами. Веглецам все это было на-руку. Наша деревушка (она существует давно) была единственным жильем среди этих лесов. Даже и теперь она единственное жилое место, на пути от села Лядин до села Колодозера — на 90-ти с лишком верстах. И вот разбойники для удобства при своей работе завели знакомство с одним мужичком из нашей деревни (она тогда называлась „Орлова гора“) по прозвищу „Шопотком“. И заключили, будто-бы, они с ним условие, по которому Шопоток за известное вознаграждение обязывался укрывать их у себя в доме *) а также—помогать им скрывать темные дела. Берег озера (что здесь за домом) у нас называется „Могильником“. Называться он стал потому, что озеро, подмывая берег (оно выбрасывает сюда каждую весну горы льду), начало обнаруживать в нем большие человеческие кости... Кости продолжают вымываться из земли и до сих пор каждую весну.

Разбойники, нападая на проезжих, грабили их и убивали, а трупы с помощью Шопотка зарывали в берег, вынося их ночью через „сени и двор Шопотковой избы“, которая стояла на берегу озера..

„Можно ли посмотреть „Могильник“? перебил я.

— „Конечно, можно“, отвечал рассказчик: „Стоит нам пройти вдоль берега до последней деревни, которая называется „Исаковщина“, и тут на берегу вы увидите высокие ели—это и есть Могильник“.

— „Да вот еще“, продолжал он; „рассказывал мне прадед, будто-бы, разбойники один раз ограбили богомолка старух, подкараулив их за горой, поросшей густым хвойным лесом (местность по обеим сторонам дороги гористая). Они зашибли старух на-смерть (большим сосновым суком) и хотели найти у них деньги. Но в ко-

*) Действительно, деревни Лекшмозерского погоста (в том числе и Орловское общество) существовали уже в отдаленные времена, указания на это можно найти в житии св. Кирилла Челмогорского, жившего в XVI в., а также в рукописной книге „Сказания о чудесах пр. Макария Желтоводского (чудо 6-е), хранящейся в Хергозерской Макарьевской пустыни.

томке оказалась лишь икона св. ап. Петра и Павла. Разбойники с досадою бросили ее в озеро. Икона, качаясь на волнах, приплыла к деревне Кайсаровской (Исаковщина), тут жители хотя ее и видели не раз, но не взяли из воды. Наконец, одна женщина оттолкнула икону ногой от берега. Тогда икона приплыла на другой берег озера, где ее взяли рыбаки и в память ее прибытия построили часовню во имя св. ап. Петра и Павла. Рыбный промысел после этого пошел хорошо, и благодарные рыбаки в память св. рыбаков-апостолов выстроили каменную церковь. Вот это ее видеть на том берегу озера,—он указал на белеющую за озером церковь.

„А жители той деревни, продолжал разговорчивый хозяин, которые не приняли иконы, живут до сих пор очень бедно. Многие из них утонули, другие высланы на каторгу... Потомство же женщины, оттолкнувшей икону, страдает до сих пор болезнью ног—как то разбухают пятки. Болезнь эта передается из рода в род“...

В комнате, слабо освещенной свечкой, было уже темно. Стояла темная, теплая ночь...

Из соседней рабочей комнаты слышался храп --- там спали утомившиеся за день сенокосники. Мы лишь двое сидели и разговаривали. На столе стоял давно остывший самовар. Было всюду тихо. Слышно было жужжание мух, перелетающих по потолку комнаты. „Может быть отдохнуть желаете с дороги?“ сказал вдруг, прервав молчание хозяин... Вот пройдите сюда на верх—здесь свежее сено подостлано“!.

III.

Оставшись один, я долго не мог заснуть. Рассказ хозяина, переданный здесь почти дословно, волновал мое воображение. Я думал об этом седом кровавом времени, и многое в легенде показалось мне вероятным. Подобные же рассказы про солдат беглецов слышал я не раз. В Олонецкой губернии есть даже целый приход (в Вытегорском уезде)—„Лихая Шалга“ (выходящийся на островах среди порою прямо непроходимых болот), население которого считает своими предками шайку бежавших со службы солдат.

Одни из них убегали сюда со службы от суровых наказаний, другие же просто скрывались от солдатчины, наслышавшись про ее ужасы. Так эти беглецы завели, наконец, целое поселение, долгое время никому неизвестное... Даже в настоящее время летом прекращается всякий доступ к тому месту. Путнику, желающему посетить летом Лихую Шалгу, приходится идти пешком по болотам, без тропинок, упадая по колени в жидкую ржавчину. И так проходить десятки верст...

Подобным же центром для беглецов могли служить и упомянутые болота по реке Каиме (Каргопол. уезда). В существовании разбойников в Олонецкой губернии я не сомневался. Стоит вспомнить исторические рассказы о том, как разбойники свирепствовали при первых царях из Дома Романовых по р.р. Онеге и Ваге, избивая жителей, грабя храмы... Да и зачем углубляться в старину! Даже еще в сравнительно недавнее время близ города Каргополя (в том месте, где сходятся тракты—Пудожский и Вытегорский) водились разбойники, которые днем скрывались в ямах, а ночью нападали на проезжих. Вспоминая все это, я приходил к заключению, что весьма вероятным могло быть существование и тех разбойников, про которых я теперь слышал. Долго я не мог еще заснуть. За окном почти сразу же (лишь чрез небольшое поле) начинались болота, покрытые темной ночью. Мне представлялся разделенный столетиями такой же вечер... Едет по лесу запоздавший путник... Торопится на почлег, думая о завтрашнем дне... И не знает того, что смерть уже стоит у него за спиною... Зоркий глаз разбойника следит за его шагами. Вдруг крик—жалобный, пронзительный—оглашает пустынные леса..... Наконец я заснул.....

Когда я проснулся, то солнце было уже высоко. Работники, почевавшие внизу, давно уж ушли на сенокос. Перед окном плескалось озеро, и солнечные лучи ослепительно ярким снопом играли на его поверхности. С другого берега виднелась церковь св. апост. Петра и Павла.

Хозяйская девочка пришла с самоваром и сказала, что лошади будут скоро готовы. Я ответил, что вскоре вернусь и пошел вдоль берега, желая посмотреть „Могильник“. Пройдя так до конца деревни, я увидел на берегу сль, о которой упоминал в рассказе хозяин—содержатель станции. В озере купались дети. На берегу женщина торопливо расстилала по траве мокрое белье.

— „Здесь „Могильник“? спросил я.

— „Тут“, ответила она. „Вон там еще другой Могильник есть—туда хоронят умерших некрещенными детей“.

— „А здесь не хоронят их?“

— „Нет, не хоронят“.

— „Почему же зовут этот берег „Могильником“?“

— „А кто знает: Не знаю отчего. Уж так давно зовут“, проговорила женщина и торопливо припнулась за свое дело. Я стал смотреть на низкий берег. Озеро в этом месте довольно сильно подмывало его... Из образовавшейся промоины виднелось одним краем какое то зачерневшее от времени дерево... Корень ли был тут, или же доска, зарытая давно в землю, узнать было трудно. Нужно было

снять с другого края вымываемого предмета грунт земли... Я долго смотрел на все более и более размываемую яму. Легкие волны дружно ударялись о берег, как будто сознательно намереваясь показать людям скрытую в нем тайну. Оне спокойно и весело делали свое дело и, казалось, как будто исполняли этим чье-то приказание... „Нет ничего тайного, что не открылось бы“, приходило на память известное изречение.

„Кони поданы“...—послышалось из-за изб. Я поспешил к станции, где уже стояли запряженные лошади.

Мальчик-ямщик стоял у тарантаса, поджидая меня... Мы тронулись.. Избы, „Могильник“, стадо на дороге мелькнули и скрылись позади. Одно лишь озеро долго еще виднелось, идя о край дороги. Долго был слышен тихий плеск его волн, ударяющихся о довольно низкий берег...

Обновление жизни *).

(Школа в селе Лекизмозере.)

I.

Глухая деревушка, окруженная со всех сторон болотами и лесами. Озеро, на берегу которого расбросаны в беспорядке полуразвалившиеся избы с деревянными трубами на крышах.... Неказиста на вид деревушка!

Бедно живут и ее обитатели. Болотистая почва не может дать достаточного количества хлеба населению. Рыба ловится тоже не всегда. Других промыслов нет, или—почти нет... С осени, пока есть свой хлеб, мужик ни о чем и не думает. И попразднует, и выпьет. Но вот, около Рождества, запас хлеба выйдет. Тут только начинает мужик думу думать. Но где взять хлеб? Свой весь уже вышел. И вот с Рождества до пророка Ильи начинается голод...

Ужасный, беспощадный голод! Семьи идут по миру в места более хлебобородные. Оставшиеся дома, семьи человек по девять, ищут случая, где бы заработать фунт—два хлеба на обед семье. Так изо-дня в день.

*) Настоящий очерк является первым печатным трудом автора. Он написан в 1911 г.

Сильный пожар, который был здесь года два тому назад, сильный тиф, от которого умерло много рабочих рук в прошлый год, как доняли и без того бедное здешнее население, что здесь теперь почти всюду поголовная нищета.

Много грустных тяжелых картин..

Вот идет по селу дряхлая слепая старуха, которая должна кормить кучу маленьких внучат (старшему 13-й год). Изба сгорела во время пожара, тиф убрал в могилу отца и мать сирот. Живут они где то на подворье. Старая, седая бродит она по селу за подаянием. Старший внук ведет за клюку свою слепую бабушку, а за нею ползут и остальные сироты...

Вьюга. Ненастный ветер раскачивает ворота и ставни изб. И под их скрип, и под вой ветра раздаются под окнами нищих соседей жалобные стоны этих бедных—слепой старухи и малых ребят, оставленных на произвол судьбы. Слезно просят они помощи у своих бедных, голодающих соседей.

Да мало ли здесь, в этих занесенных снегом и закупоренных от живого мира деревушках, слез и горя и хватающих за душу картин голода. .

Часто, смотря на эту бедную жизнь, я доискивался причин такой бедноты. Может быть суровая природа истощила всю энергию этих нехитрых людей. В вековой борьбе с болотами и лесами может быть бессильно опустились их руки. Откуда такая беспечность и апатия ко всему в этих темных голодных людях? Почему они так суровы и грустны? Может быть ужасы пожара и тифа отняли у них последнюю силу для борьбы с нуждой и клеймо угрюмой суровости легло на их лица... Задавая себе такие вопросы, я часто отказываюсь судить этих темных, жалких, голодных мужиков за их беспечность к самим себе, за их равнодушие к своей школе и ко всему на свете.

II.

Здесь, в этом неприглядном месте, среди занесенных снегом изб, есть школа. Тут же живет учитель, как бы заживо погребенный в эти сугробы снега.

Всякий раз, когда я проезжал здесь, мне хотелось повидать этого человека, поговорить с ним, взглянуть на его жизнь вдали от мира. О чем думает он в этих сугробах? Может быть это еще молодой, только что начинающий жить человек, которому тяжело видеть этих бедных людей и их нужду...

Но буду говорить про школу. Вот уж именно, кажется, ни к кому так не подходит пословица „охота смертная, да участь то горь-

кая“, как к этим ученикам детям. С осени обыкновенно их набирается полная школа. Как травка из под камня к солпцу, так ползут к свету и эти дети. Маленькие, с русыми волосами, задумчивые, в лантях, быстрой толпой бегут они в школу. Начинается учебный год. Дети обнаруживают восприимчивость. Дело идет хорошо.

Но вот приходят холода. Ланти уже не защищают ног от холода. Но еще ребята ходят. Версты за полторы, за две.. Конечно, простуживаются и болеют. И оставляют школу, в большинстве случаев, навсегда. Учитель заявляет о таком положении дела, пишет, просит земское собрание. Получается, наконец, пособие около Рождества. Обуваются, одеваются кой как хотя те, кому ходить подальше. Опять идут занятия. Но тут начинается голод. Смотришь, человека два—три убьло. Спрашивает учитель и оказывается, что поехал мужик собирать по миру и сынишку из школы увез. Благо обули, одели.. Отбирать же в таких случаях у нищих выданную им обувь и разъяснять что она дается только для возможности посещать школу, почти бесполезно, так как мужик ругается и слушать разъяснений не хочет, а баба простодушно заявляет, что не уя ели ее сынишка „не выходил из школы“ этих плохих сапожек. Так все убывает и убывает учеников в школе. Весна же еще новою грустью посетит школьную жизнь. Голод повсюду. Дома есть нечего. Многие во время большой перемены в школе заявляют, что у них нет хлеба. Просят под окнами. В школе грустно. Голод заставляет себя чувствовать. Во время урока, когда речь идет о прочитанной сказке или стихотворении, когда учитель хочет поговорить с учениками, он встречает грустные, тоскливые взоры. Мысль детей ищет способ достать кусок хлеба. Ведь во время перемены они должны идти просить. Не легко это, но и кто подаст? И эта мысль заставляет их мучаться и всегда отравляет собою веселый материал детских книжек. Отравляет детскую жизнерадостность. Многим не по силам такая жизнь. Уезжают в город, куда либо—кто в мальчишки, кто нянчить ребятешек или же собирать милостыню вдали от родных мест. Приходят прощаться с учителем, подают книжки, плачут и уходят...

Опять представляется мне учитель этой школы. Он сжился с детьми. Они были ему утешением в темном крае, единственным утешением и надеждою на будущее, среди населения, которое смотрит на школу почти враждебно. Он полюбил их. И вот теперь прощаются и уезжают, а другие больны. С тяжелой грустью сидит он в школе. Больно видеть ему пустые места, где сидели дети, которым так хотелось учиться.

Ему больно за этот темный народ, за этих бедных, выброшен-

ных за борт детства ребятишек. „Счастливая, беззаботная пора детства“.. Может быть вспоминаются ему известные слова известного автора. И вновь больно сжимается его сердце. Ему грустно за этих погубленных нищетою молодых созданий, для которых нет беззаботного детства с голубым небом, ласкающим солнцем и пестрыми цветами.. Он хочет поговорить с родителями, устраивает чтения, зовет мужиков... Но пусто стоит школьное здание. Не собираются в него эти лохматые, заспанные мужики. Куда все ушли они в праздник? Что так привлекает их, когда бедствуют их семьи? Почему никто не идет в школу? Грустный, вновь ждет учитель. И прислонясь к окну смотрит куда то вдаль, из этого мира...

III.

Как заставить двигаться поезд не подбавляя дров или угля? Может ли голодный работать? И что прежде всего надо человеку—пищу для тела, или же духовную пищу? Такие вопросы возникали у меня, когда я впервые узнал близко жизнь этого края. И я ответил себе, что так жить нельзя, что прежде, конечно, надо пищу для тела. И может быть этот темный народ потому так холодно и смотрит на школу, что ему прежде всего надо поесть.

Голод великое зло. Голод рождает преступления. Голодный человек, подобный зверю, конечно, останется глух к духовной пище. Все существо его не находит в себе для нее почвы. Вот почему дух этот народ и к прекрасным проявлениям человеческой души. Но как же помочь им?

Как помочь хотя бы их детям, чтобы вырвать их молодые души из грязной, душной отцовской жизни и освежить их и дать им Божий дар—веселое, любвеобильное детство. Что для этого нужно? С чего начать это дело?

Ответ, кажется, один: устраивать при школе завтраки, где бы учащиеся дети поели до сыта и бодрей бы взглянули на жизнь. Завтрак не дорого стоит. Немного надо крестьянскому ребенку! Если при школе устроить огород (землю для огорода найти здесь возможно) и вырастить на нем овощи, то останется добыть только хлеба. Вот и оживет школа! Труд для души и для тела! Пища для души и для тела! Веселей заглядят дети! Вот, кажется, единственное средство дать большому числу детей возможность быть в школе целый учебный год. Школьный завтрак соберет их большое количество. Ребенок не пойдет под окна!

А сколько духовных наслаждений испытает он, когда будет есть вместо милостыни овощи со своего огорода, которые он сам посадил! В нем будет расти уверенность в своих силах. Он уже не

пойдет под окна и по выходе из школы. И бедняки родители другим взором посмотрят на школу и примут участие в радостях своих детей...

Школьный завтрак — это первая ласточка, это начало новой школьной жизни в этом бедном крае. Все те, кто истинно скорбит за народ, кто искренно ищет его блага, кто устраивает школы, я думаю, поймут всю важность этого дела.

И я надеюсь, что они не откажутся помочь бедной, голодной школе.

И рисуется мне другая картина. Та же школа, те же ученики, но только в большом количестве. Но не голодные, грустные дети, а резвые, веселые, довольные.

В школе смех и игры. Устраиваются веселые, школьные вечера...

Школьная жизнь уже имеет под собой почву—насущенный хлеб. Дружная кипит работа. Радостен учитель, веселы ученики. Совсем позабита невеселая, голодная жизнь прежних лет.

И как на яву я вижу завтрак в такой школе. Поставлены столы. Дети чинно сидят за ними. Дежурные ученики уже подали хлеб и похлебку. Вот начинается молитва. Всем радостно...

И уже не страшна вьюга за окнами. Не надо протягивать детям руку за милостыней. Жизнерадостность, бодрость сила—вот то, что вынесут дети из такой школы в хаты отцов своих. И та энергия, которую запасутся они, не остановится перед болотами и лесами их суровой родины, победившей отцов и дедов.

Начнется сильная работа.. Новая жизнь победит старое, сонное царство. Произойдет, наконец, долго желанное—обновление жизни!..

Когда то все это здесь будет!

Маленькое послесловие.

Может быть в современном обществе ни одна из наук не распространена, так мало как родиноведение. В настоящее время нет даже в этом отношении сколько нибудь серьезных пособий. Между тем, потребность в изучении родиноведения назрела... По крайней мере, интерес к изучению сказывается несомненный. В самом деле, крестьянину Олонецкой или Вологодской губернии очень интересно знать, как живет такой же крестьянин или рабочий, например, в Казанской губернии, в Сибири, в Польше и наоборот.

Это обстоятельство и побудило автора написать ряд очерков, здесь помещенных.

Он думает, что если написаны будут подобного рода очерки в других губерниях и уездах, то это в результате даст обширный материал, представляющий огромный интерес.

Наука о родиноведении далеко подвинулась бы таким образом вперед.

Мысль о том, что такие люди найдутся, что они есть в современной России и будут читать эти строки, придавала всегда автору уверенность в необходимости работы. И он вновь брался за перо, и вновь продолжал не раз прерванный труд.

Эта же мысль дает ему и смелость выпустить теперь в свет свою слабую, несовершенную книгу, преодолев невероятные трудности по изданию ее.

И. Рудометов.

„О последних днях и казнях Божиих“ *).

Из книги „Златоуст“. Слово в неделю 25-ю.

(Иллюстрация к очерку „Старинное село“).

„Такое глаголет Господь: послушайте сынове человечестии и вземлите глаголы уст Моих, приклоните ухо ваше в совет разума Моего: вы бо людие Мои и Аз Господь Бог ваш, иже искупих вы своею кровию от работы вражия и нарекох вы сыны Моя. Вы же ни яко отцу послужите Ми, ни аки господину поработаете Ми, но чужды бысте славы Моея и чудесем Моим не веровасте и всех заповедей Моих отвергостесь. сего ради будет рука Моя на вы во дни последняя. И пролию гнев Мой на вы и отрину вы и отвращу лице Мое от вы зане исполнися земля беззакония и мерзости и почтено бысть беззаконие и неправда. Закон же и правду возненавидеша человецы, зависть и лесь живет в вас, а истина погибе. Мзда ослепи очи и лжа покры землю. Чада бесчинствуют родителей своих, отцы же гнушаются чад своих. Тогда возненавидит друг друга и брат брата и мать дщерь свою предаст на блуд и дети начнут не стыдиться родителей своих.

Тогда будут вам учителя лицемеры и запойцы, черпорицы будут злобесницы и сквернословцы; князи и судии ваши будут неправеднии и мздоимцы и не будет избавляяй убогого от руки сильного. Восплачутся сироты и вдовицы, не имуща помощника, ни заступника, занеже князи не будут смирят властелей своих, мучающих убогия. Тогда не муж жены, но жена мужа възыщет, дабы посягнути зань. И будет тогда знамение в солнце и в луне, и в звездах, и глады часты во всех странах ваших. И восстанет царство на царство, и язык на язык, и град на град, и род рода не возлюбит: и станет отец против сына своего со-оружием, и сын на отца своего извлечет меч, и брат на брата своего искует копие, и ближний на ближнего своего уготовит стрелы, и посмеется работный свободному и живой мертвому позавидит. О, горе тогда будет всем родящимся и доящим: наведут бо на вы рати иноплемennых и пролиют кровь вашу яко воду и порадуются о вас враги ваши. И положу вы в корысть врагом вашим и предам вас в плен языкам незнающим Бога за умножение

*) Записано в селе Печниково в 1912 году. Печатается с особого разрешения местной Коммунистической Партии.

злѡбъ вашихъ Жены и дѣти ваши по странамъ рассеяны будутъ и осквернятъ вдовицы и дщери ваши въ странахъ поганыхъ; сынове и дщери ваша поработаютъ въ странахъ неверныхъ. О, горѣ вамъ тогда будетъ—сильнѣи ваши отъ оружія падутъ предъ лицомъ враговъ вашихъ и побегнете гнѣвомъ Моимъ, никимже гоними, и устрѣшитесь тамо, идеже нѣсть страха. И пожнетъ васъ единъ 100, а сто 1000, зане вложу страхъ и ужасъ въ сердца ваша и будетъ плоть ваша на снѣденіе зверемъ земнымъ и птицамъ небеснымъ. И кости ваша будутъ повержены на видѣніе всякому животному. Въ древъ мѣсто пожжете оружія своя. Се днѣсь градъ пустъ бысть, а завтра другій плененъ будетъ. И снѣдутся тогда отъ семи градовъ во единъ градъ жити. О, горѣ будетъ тогда вамъ, окаянныи и непокорливыи родѣ человѣчѣ! Зане глаголахъ вамъ вы же не послушасте, учихъ васъ, вы же не внимаете, но бысте аки аспидъ глухій, затыкая уши своя, да не слышитъ гласа обавающаго. Сего ради наведу на вы руку Мою съ гнѣвомъ и око Мое съ яростію и отринѣте вы отъ лица Моего, и возведу гнѣвъ Мой на вы и къ тому не восхожду помиловать васъ. И ярость Свою излию на васъ, и не избавлю вы отъ зла нашедшаго на вы, аще же и возопиете ко Мнѣ, не помилю васъ и не услышу гласа плача и рыданія вашего. И отниму мудрость отъ сердецъ вашихъ и разумъ тогда не обрящется въ васъ и мыслити начнете яко младенцы. И восколеблетесь, аки пьяни и не почиетъ духъ Мой на васъ, не уставляю отъ васъ гнѣвъ ярости Моея. И буду вамъ не яко Господь Богъ вашъ, но аки врагъ зло творя. Зане отвергостесь Менѣ, отвергуся и Азъ васъ. Умножите всяко лицемерство и всяку неправду возлюбите сего ради положу вамъ небо, аки медяно и землю, аки желѣзну—небо не дастъ дождя и росы на землю, а земля не дастъ плода своего. И опустѣетъ земля ваша, якоже рече пророкъ Аввакумъ—солжутъ дѣрева маслина и поля не сотворятъ яди: аще всеете 100 меръ жита, едва пожнете едину, семена ваша будутъ во истлѣніе и труды ваша во тщету—нивы ваша запустѣютъ и красота селъ вашихъ погибнетъ. Наведу на вы пруги и гусеницы, имже нѣсть числа и хрусты и серны поядятъ останки плодовъ вашихъ. И сущія во градахъ голодомъ уморю, а на земли сущая оружіемъ погублю и побегнете и не можете отъ руки Моея нигдѣ скрытиса; зане поидосте вы ко Мнѣ неправдами, сего ради и Азъ пойду къ вамъ гнѣвомъ. И порожду землю вашу и восставлю отъ моря волны страшныя и потопятъ вы напрасно. И пошлю на вы звери дивныи и поядятъ скоты ваша и не будетъ стадъ вашихъ, пасомыхъ на горахъ и не воспоетъ ратаи на нивахъ вашихъ, ни волъ на выи своей понесетъ ярма своего. И не обрящется въ селахъ вашихъ никого живуща и нивы ваши родятъ быліе и волчецъ и пути ваша запустѣютъ и возрастетъ терніе по путемъ вашимъ. И наведу на вы гады страшныя и осквернятъ землю и напущу на вы пѣсѣи мухи и скнипы и начнутъ ясти плоти

ваша и пити кровь детей ваших и истерзати зеницы младенцем вашим. И будет тогда в вас плачь и рыдание горько и не будет тогда помогающего вам никого же; погублю убо в водах рыбы и птицы парящие по воздуху и скоты, иже во лугах ваших. Древеса же и винограды сел ваших поражаю зноем солнечным, реки же и озера и источники вся иссушу оком солнечным и блата ваша мокрая воскурятся. Зане Аз милую и даю вам не престаю а вы согрешающе и беззаконнующе не почиете. Сего ради обыдете всю землю, аки скот грызуще траву, и от древа бездушного поищите насытитися: облак бо дождевый не преидет чрез всю землю вашу и нога ваша не обмочится от росы, О, горе тогда будет всему роду человеку, иже не послуша учения Моих словес: заповеди Моя преступиша и чужда Мя сотвориша! И тогда отнимется всяка власть и величество—честь и слава ваша погибнет, зане ввидет глад в мозги ваша и болезнь во вся узы ваша. И предложу праздники ваша встание и в рыдание и вся дни живота вашего учнете провождати со слезами и с воздыханием. И не будет к тому радости и веселия; грады ваша запустеют и не будет приходящего к церквам вашим, ни убогого, сидяща пред враты церковными и просяща милостыню. Положу дома ваша во исчезновение и будут яко прах пред лицом ветра, да вси шествующии по них ужаснутся. И будете уныли и дряхли, и плоть ваша от глада почернеет и восколеблетесь, яко пьянии. Серебро же и злато ваше и драгоценные ризы по путем имут валятися и не будет емлющего, их, ни прикасающегося к ним. И доброта девица ни во что же будет. И тогда насытитися кийждо плоти искреннего своего. И съедят отцы чад своих, и чада съедят родители своя, зане исполнится земля беззакония и всякого бесчинства. Возлюбивша бо человецы неправду паче правды, свет оставивша, а тьму восприяше и вся лета своя в блуде и во играх, и в глумлении пустошно изжиша. Слышите, сынови человечести, и внемлите глаголам уст Моих: не ложь творите словеса Моя ни в баснь вменяйте глаголы Моя! Не будет бо храма идеже бы не было мертвеца, и не будет кому погребати трупы плоти вашей, зане вложу всяк недуг в сердца ваша и пошлю на вы смерть безгодну и учнете умирати, яко скоти за беззакония ваша. И тогда не заступит царь людей, ни люди не заступят царя. И не помилует отец сына, ни сын отца. И не обрящется тогда у вас место радостно, но везде будет плачь и рыдание без утешения. Восплачутся тогда цари и князи, богатии и убозии и весь род человеческий, об'емлюще друг друга, плачуще и глаголюще: „О, горе нам, братие. О, горе нам, что сотвориши, яко уже погибаем“. Тогда не узрю уст ваших смеющихся, но кричащих, ни гортаней ваших веселящихся, но вопиющих. И тогда у вас не будет ни кощун, ни сме-

ха, ни всяких игр бесовских. Тогда не будет коней борзых, ни риз светлых. И тогда начнут умирати, падающе друг со другом, брат с братом, отцы с чады, дети же с родителями своими охавившиеся; от-роча умрет на лоне матери своея, и мать умрет охавившиеся со дщерию своею. И тогда будет в вас горькое стенание и от кричания и рыдания вашего потрясется земля, солнце померкнет и луна в кровь преложится и тогда восплачется земля, аки девица, за погибель человеческую, тогда восплачется море и реки, и вся глубины преисподняя. Тогда восплачется бездна гласом великим, аки в трубу эла-токованную. И тогда восплачутся ангели Божии, видяще погибающе без милости весь род человеческий за умножение злых согрешений. Тогда антихрист начнет яве ходити с бесы своими, прельщая и по-губляя до конца человеки, дондеже снидет на землю Господь Бог наш Иисус Христос со всеми небесными силами и воздаст комуждо по делом его: праведным жизнь вечную и царство небесное, греш-никам же муку вечную, ей же не будет конца.

Богу нашему слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь“*).

*) Со времени войны 1914 года в народе все более и более распространяются толки о близком конце мира. Это обстоятельство между прочим и побуждает дать в руки интелли-генции пастоящую выписку, как материал для бесед с народом.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
1) В Каргополе	3
2) У жаждущих	10
3) Между старым и новым	18
4) Старинное село	24
5) Лесные люди	34
6) Тайна болот	45
7) Обновление жизни	50
8) Послесловие	55
9) Приложение	56

ТОГО ЖЕ АВТОРА
(готовится к печати)

„ПЕТР АПОСТОЛ“.

Драматическая поэма в трех действиях.

Действие I. Явление Христа на Тивернадском озере.

II. Вечеря любви в Иерусалиме. III В катакомбах Рима.